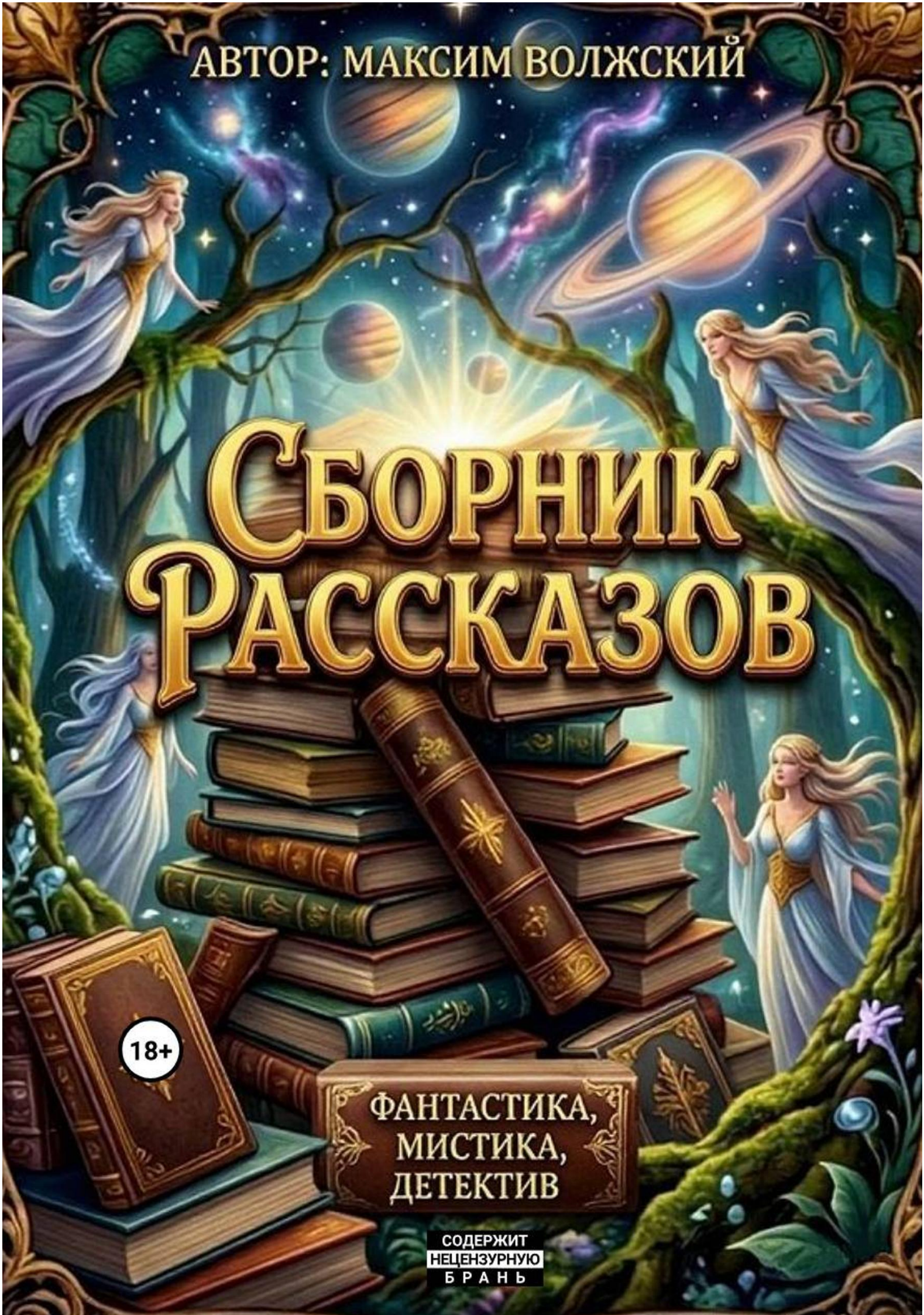

АВТОР: МАКСИМ ВОЛЖСКИЙ
Сборник Рассказов
18+
ФАНТАСТИКА, МИСТИКА, ДЕТЕКТИВ
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

Максим Волжский

Сборник рассказов

«Автор»
2026

Волжский М.

Сборник рассказов / М. Волжский — «Автор», 2026

Сборник рассказов. Здесь собрана фантастика, мистика, детективы, приключения, космос и немного ужасов. Всем приятного чтения.

© Волжский М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Домовой 5
Атрибуция 10
Не в ту дверь (18+) 26
Бойся желаний 32
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Максим Волжский
Сборник рассказов

Домовой

Нет у меня ни имени, ни фамилии. Я вообще не человек. Я домовой, барабашка, полтергейст… квартирный демон. Называйте меня, как хотите. Понять, кто я и для чего, сам не могу… Надоело мне сидеть в одиночестве. И решил я пооткровенничать и поделиться кое-какими мыслишками. Мысли вслух и на бумаге – от бабайки на диване.

Жил я не тужил в старом, уютном доме со скрипучими, как прадедовская кожанка чекиста, ступеньками. Здорово было.

Знаете, что больше всего мне нравилось в том доме? Да ни за что не догадаетесь. Дымоход! Русско-американские горки – отдыхают!

Полное расслабление… и я поднимаюсь на парах кухонного варева до самой крыши. А та-а-ам…

Катался я с первого этажа по пятый. Потому что дом «хрущёвка» называется. Сначала, значится, в ём жила бабка с дедом, а затем их дети сменили. Ну а после и внуки.

Сдружился я с этой семьёй.

Поначалу запугивал – лет так тридцать пять. Ну как запугивал – играл, развлекался, седин прибавлял.

Мебель на кухне дряхлая была. Повисну, бывало, на дверце и давай скрипеть посреди ночи. Деду наплевать, он фронтовик. Пузырёк раздавит, уснёт и всё в атаку ходит. Так кричал «ура», что обделаться можно.

Сразу скажу: я старого не трогал, поскольку бесполезно, потому что дед – кремень! А вот с бабулей можно и поиграть. Она даже милицию вызывала.

Шалил я и садился по ночам ей на грудь, а днём заначки от деда перепрятывал.

Бабуля под матрас рублей тридцать заныкает, а я их в шкаф, к иголкам и пуговицам. Она найдёт и под ванну за кирпич, а я за унитаз перетаскиваю. Вот и вызвала она однажды людей в форме.

Пока суть да дело, заявление писали, чего-то бабулю опрашивали – я спёр у участкового фуражку и в тазик с бельём подкинул. Во хохма была! Бабка орёт: «Видите, видите, что творится?!»

Пока они спорили, как шапка с кокардой могла очутиться в тазу, я в заявлении большими буквами нацарапал: «МЕНТЫ-КОЗЛЫ» – и подписался – «ДЕД»!

Участкового как ветром сдуло. Больше его не видел, да и бабулю перестал пугать. Жалко её: хорошая, честная женщина. Тем более что она стала мне конфетки подкладывать на подоконник, а дед даже стопку налил. Я, конечно, эту лабуду не ем, не пью, но приятно.

***

Прошло время. Бабуля вместе с дедом ушла в мир иной. Жаль стариков. Жизнь человека коротка, но я-то живой. Мне ещё лямку тянуть не один век.

В квартире поселились другие люди. Дети стариков.

Им уже под сорок. Двое малышей у них: одному пятнадцать, второго в армию собирают, – и собака ещё – чтоб её! Пёс вредный – психованный! Лает круглые сутки. Чует меня, зараза, но не видит. А я перед мордой встану и дую ему прямо в нос. Он водит мокрым пятачком – нюхает. Затем как зальётся, и на весь день гавканье.

Не понравился мне лохматый. Собак я в целом уважаю, а этот был особенный: голосистый, злобный, наверное, о свободе мечтал. Но где та свобода? Нет её. Свободу заслужить надо или силой брать. Длинный поводок и три прогулки у забора – вот и всё раздолье собачье. Как тут не взбеситься? И решил я извести пса – добить зубастое чудовище. Хотел, чтобы выгнали его. Пущай бродит себе во дворах – наслаждается волюшкой.

Ночью пристроился я рядом с Тузиком и шепчу ему в ухо. Он терпит. Молчит – знает, что достанется от хозяев. А я не отстаю: песни пел, анекдоты травил, даже книжку читал – про Муму. Барбос всё слышит, всё соображает, одного не поймёт, кто его достаёт круглосуточно. И сломался ушастый. Сон пропал у него, и стал он злиться да выть по ночам.

Тузику наплевать, есть на небе луна или нет, он до слёз заливается – во всю глотку. И люди сон потеряли. Ходют, бродют – ругаются, пса на улицу тащат, может быть, он на двор хочет? Да какой там двор?

Блохастый трепещет! Я ему Тургенева читаю, самое интересное место – Муму вот-вот коньки откинет, а они его на улицу?! Ну юмористы!

Три ночи собачка спать не давала. Но псину не выгнали. Люди совестливыми оказались: со стальными нервами, будто им приплачивали за страдания, – и богобоязненными не по времени. Потому обратились они к религиозным деятелям, уверовав, что злой дух вселился в животное. Мол, с чего вдруг собачке выть по ночам, нос под хвост прятать и от косточки отказываться.

Пошли они в храм. Жалились там.

Привели в дом священника. Мощный такой был батюшка!

Он уж и кадилом махал, и картинки над дверьми лепил. Всю квартиру забрызгал, а наследил-то сколько? Ходил от стены к стене, бесов искал, которых я давно сам изгнал и с тех пор не пускаю в дом нечисть разную.

Вижу святого отца и думаю: ах вот вы как со мной? Ну ладно…

Склонился я над ухом мохнатым и следующую сказку рассказываю – о собаке Павлова.

Барбос послушал чуток и ужаснулся от зверства людского. И с испуга завыл, да так протяжно и уныло, словно жить до утра осталось, и нет ни одного шанса на спасение барбосьей души.

Поп что-то шепчет, лысину чешет, ничего не понимает. А вся семья на взводе. Ждёт от священника чуда, – а лето было, жара… Я совершенно случайно батюшке под рясу забрался, смотрю – мать его, пальма банановая, да он шотландец! Гол как сокол: ни трусов тебе, ни тряпочки. Я хвать за причинное место и повис под одеянием просторным. Вишу, хохочу – пса кличу: «Шарик, ядрёна ты вошь! Тузик, хрен ты волосатый, иди ко мне!»

Пёс прям одурел.

Ходит за попом, тычется тому в зад, рычит, скалится.

Священник – то ли с будуна, то ли просто дурак – соображалка совсем не работает. Его же учили в семинариях разных, что да как, а тут вообще ни гу-гу. Шарахается от собаки и крестится.

Так делу не поможешь…

Семья в шоке. Отец семейства вслух стал перебирать шустрой скороговоркой своих родичей и вспомнил, что по линии бабушки в седьмом колене от плеча Адама был один крымский татарин с моря Чёрного. Так что он затеял, отец в смысле. Мужичок стал уговаривать попа ислам принять и сделать безболезненное обрезание прямо на кухне. В общем, навели страху на церковного служителя, и сбежал батюшка.

А я держался до последнего, и только когда поп уже был у дверей подъезда, отцепился от причиндалины и быстрей назад в квартиру. Не терпелось посмотреть на хозяев да пса очумелого подразнить рассказом о массовой стерилизации бродячих собак.

Да уж! Перепугалась вся семья! Тут почему-то я вспомнил бабулю, и так жалко стало её детей, что даже пса погладил.

Барбос понял, что жизнь налаживается, и тоже успокоился. Лаять перестал, загрустил и стал коситься на дверь входную; а через неделю сбежал. Наверное, пошёл помирать, а может быть, наоборот, отправился в свободный мир, чтобы другим собакам рассказывать свою историю и род мохнатый продолжать на радость людям. Кто его знает…

***

Снова пролетели годы. Всё течёт, как говорится, всё меняется.

У людей «перестройка», «гласность». Затем страна неожиданно рухнула; а дом-то стоит! Как дети ходили в школу, так и ходят. Как старики получали пенсию, так и получают. Жизнь продолжается.

Только люди изменились очень. Даже внешне стали отличаться от прошлого поколения. Я это точно знаю, потому что внуки той самой бабули поселились в квартире.

Не боялись они ни Бога, ни чёрта – не потому, что смелые были, а оттого, что жадность шестирукая в них проснулась. Да и времена «тёмные» настали. В те жуткие годы всем пришлось несладко. И я мучился со всей страной заодно. Сам в себя чуть верить не перестал. Даже подумывал о побеге за бугор – к батьке в Белоруссию. Но понял, что бросать своих негоже, и пришлось как-то ужиться с новыми русскими.

Ад кромешный, а не семейка попалась. Что же с народом произошло? Бабка с дедом нормальными были. Дед, конечно, с прибабахом, но это понятно – он солдат, сын войны: три ранения и контузия, из плена бежал. Но что случилось с внуками? Это же не семья – разбойничья шайка.

Он бандит «перовский», а она – то ли проститутка, то ли официантка, что, впрочем, в те годы за редким исключением одно и то же. Если парочка в доме, то с утра до утра пьянка. А у них мальчишка… Пацанёнок семи лет смотрит на весь этот блуд и думает: «Крутые у меня родители!»

Ну всё, терпение моё лопнуло. Решил я перевоспитать заблудшие души. Я отучу вас грязь разводить да деда-ветерана позорить! Он за вас кровь проливал, а вы что – Родину не любите, пропить её собираетесь и подарить земельку улыбчивым врагам заморским? Я за эту квартиру и за дома по соседству устрою вам кузькину мать!

Сказано – сделано…

Мужик в очередной раз пьян. Цепляет жену. Ругается. Кулаками машет.

Бил себя в грудь, вопил, что за ВДВ три с половиной года окопы рыл в Персидском заливе. За кого воевал наш герой, непонятно, но точно известно, что победил всех! В общем, побродил он воинственно от кухни до туалета и уснул, рухнув в коридоре. А я только этого и жду – и как давай врываться в его сны беспорядочные.

Фантазия у начинающего бандита бурная. Снится ему ковбойский кабак. На сцене, значится, девицы канкан выплясывают, а вокруг друзья. На столе стволы, под столом ноги в кедах. Но бьюсь об заклад, что насмотрелся мужичок в детстве фильмов гэдээровских про Чингачгука. Да только краснокожие не кеды носили, а мокасины. Я знаю, что говорю.

Но это всё детали. Мелочишка. Во сне хмельном всё по-крупному.

Денег у гангстеров в сундуках носить не перетаскать, а два ящика виски поощряют беспричинный смех и веселье. Ну естественно, мужик – главарь банды. Как без этого?

Девчонки, как положено, отплясали, ножками подрыгали и прямо со сцены к бравым бандитам на руки прыгают. Видимо, пришло время по номерам расходиться. Сплошной разврат… Тьфу, срамота прямо! Всё думаю – хватит!

Использую свою силу и опыт многовековой. Разгоняю его марево, создаю своё…

Собутыльники растворились в секунду. Столы, стволы, девчонки и бармен с бутылками – следом исчезли. Смотрит наш предводитель, а сон-то изменился…

Ритмично бьют барабаны. Вокруг «перовского» бандита люди кружатся в танце, а он, как свеча на торте. Стоит привязанный к столбу посреди толпы и ждёт, когда его поджарят.

Как выглядят каннибалы Папуа – Новой Гвинеи, я не знаю, но представляю их голыми, пузатыми и весьма голодными.

Я в страшном сне за вождя, в образе загорелого дикаря с бусами до пупа. У меня живот, как воздушный шар, волчий оскал и глаза жадные – до человеченки. Мужик ничего не понимает, трясётся от страха, озирается – помощи ждёт. А я достаю коробочку «Балабановской» фабрики и как фокусник из-за уха зажигаю спичку. Взгляды наши пересекаются, я безжалостно бросаю горящую спичку под ноги в кучу сухих деревяшек, и через мгновение кеды уже плавятся, – и как взмолился он.

«Господи! – завыл мужик. – Господи, помоги!»

Вспомнил он молитву, что бабуля учила. Сбивчиво читал «Отче наш», плакал – заклинал не жарить его и не съедать. Со страху разного наговорил – и правды, и вымысла. Выкрикивал, что он невкусный, что в детстве болел ветрянкой, а сейчас страдает от хламидиоза!

Да-да, навёл я на мужичка страху, а самому смешно. Вы поймите – я не злодей, только как лучше хочу. Но посмеяться – это мы запросто! Это мы завсегда!

И я продолжил…

Высекаю искры: в одной руке у меня нож, в другой вилка. Я мужику заплаканному говорю: «Ребёнку твоему в сентябре в школу, ты парню ранец купил? Жена твоя спивается, а ты знаешь, что женский алкоголизм неизлечим?»

Засыпал вопросами, призвал жить по-людски. На завод предложил устроиться: слесарем или охранником. Может быть, учиться пойти, ну или в милиции служить; а что, тоже выход, там тоже люди – честных нет, но хороших полно.

Пока я совесть будил, жилец квартиры волшебно протрезвел и вспомнил меня. Как узнал, ума не приложу. Я его пугал в детстве, в школу поднимал и взрослых слушаться заставлял. Думал, всё – забыл он меня, а нет – помнит.

– Вспомнил, – пускал слёзы мужик. – Ты домовой из нашей квартиры.

Смотрю в глаза человека и растворяюсь, как туман от дуновения ветра. У мужика сон пропал, и протрезвел он… навсегда.

Сидит на полу в коридоре. Озирается. Меня ищет. Увидеть вживую хочется.

– Вставай, балбес, – упивался победой я. – Вставай, поднимайся, рабочий народ…

Допел я песню революционную до конца, а мужичок вдруг схватился за голову и заплакал. Вспомнил он бабку, вспомнил маму и отца. Вспомнил деда фронтовика, и ожила в нём совесть.

Вот смотрю и думаю: неужели нужно дойти до крайности отчаянной, чтобы мозги выпрямились наконец-то? Тебе, дураку, необходимо оказаться на краю пропасти, чтобы увидеть, как впереди тебя, балансируя чуть дыша, баба твоя и ребёнок стоят у последней черты?

И правду говорят – крестится русский мужик, только когда гром гремит…

***

Я почти не старался, сгибая в безопасную линию кривую дорожку. Это всё его черти, его белочки – это его судьба. Я только слегка помог человеку, и жизнь семьи наладилась. Не пьют, не дымят, мальчишку выкормили. Здоровенный бугай вырос и совсем неглупый. Денег сын заработал и купил новое жильё. Вот и собралась вся семья переезжать.

Сейчас смотрю, как они вещи упаковывают… Немного осталось. Бабушкин комод вытащить да аккордеон дедовский… И даже не знаю, как мне быть. То ли с ними, то ли здесь остаться. А если дом под снос? И мужик говорит, чтобы я с ним ехал. Зовёт меня с собой. Упрашивает.

Ладно… Поживём-увидим. Может быть, я с ними поеду. Не бросать же семью Ивановых – на самом деле. Там уже и правнуки намечаются. Так что работы для меня много.

Ехать, не ехать? Как думаете?

Атрибуция

В просторном зале на первом этаже загородного дома играло знаменитое «Болеро» Равеля. Музыка освежала и бодрила, проникая в самые секретные уголки человеческого сердца.

Стоя у разделочного стола, Альберт Белов дирижировал ножом для рубки мяса. Склонив голову, он вслушивался в нарастающую мелодию, ловя своё отражение на широком лезвии ножа, словно в зеркале.

Приладив чубчик, Альберт разгладил усы и бородку, подстриженную на испанский манер, затем поправил очки и снова взмахнул ножом, потому что под нарастающий темп барабанного ритма вступила в партию нежная флейта и призывный кларнет. Мелодия наполнила просторную кухню атмосферой торжественного случая и тайной, в которую был посвящён только хозяин дома и его голос, часто советующий в голове.

Альберт настоял, победив в споре голос, что сегодняшний поварской дебют начнётся именно с «Болеро» Равеля.

Разногласия терзали недолго, всего минут десять. Выбирая вечернюю тему, Альберт включил ноутбук и нервно клацал мышью. Потому что с Морисом Равелем соперничала кандидатура Мэрилина Мэнсона, человека, безусловно, в своём амплуа гениального, но всё же чрезмерно притворного.

Он где-то читал или кто-то рассказывал, что в жизни Мэнсон совершенно не такой, как на сцене; что, исполняя свои хиты, носит он демоническую маску, но когда гаснет свет и пустеет зал, Мэнсон превращается в унылого обывателя: скучного, усталого и невероятно застенчивого. Но это неправильно – обманывать миллионы поклонников. К тому же Альберт презирал комедиантов и ненавидел лицемеров – потому выбор был однозначен: вечер начнётся только под «Болеро», и никаких Мэнсонов на свою кухню он пускать не намерен!

Альберту Белову было сорок три года. В шутку он говорил, что находится в возрасте Христа, потому что десять лет отработал следователем в полиции и потратил десять лет впустую. Но этот самый опыт позволил ему устроиться адвокатом в одну известную контору и совсем неплохо зарабатывать. Теперь у Альберта, кроме обязанностей и долга, была своя юридическая фирма, шикарный дом в Подмосковье и немалые деньги – и вроде бы всё в комплекте, но с семьёй не сложилось. Он не был женат и жил в большом доме в совершенном одиночестве.

Роста Альберт был выше среднего. Тело у него цепкое, поджарое, с острыми плечами. Он немного стеснялся лысеющей головы, но свыкся, предпочитая считать лысых мужиков потенциально жаркими любовниками… Белов носил очки с большими линзами и бородку с усиками. Он подстригал триммером заодно и брови, иначе вызывал бы бесконечные остроты у своих подчинённых. Живота у Альберта не было вовсе. Летом он с удовольствием надевал обтягивающие футболки и хвастался атлетичным прессом. Руки и ноги Альберта тоже были спортивные – так что справиться с тремя женщинами по сто шестьдесят сантиметров ростом каждая – для него не составит никакого труда.

Он не собирался соревноваться с хрупкими женщинами, только хотел покорить их сердца. И вообще, пустой дом в двести квадратов полезной площади наводил на него тоску, вызывая ядовитую зависть и злобу. Даже у его помощника, у парня, только вчера окончившего юридический институт, была жена и маленький сын. Так почему судьба не подарила ему верную спутницу? Чем он хуже человека средних способностей?

Бывало, что Альберт ходил из угла в угол, не зная, чем объяснить своё одиночество. А ещё он пугался голоса, живущего в голове, который постоянно что-то шептал. И чтобы заглушить вкрадчивый шёпот, ночевал Альберт всегда в разных комнатах, не выключая свет во всём доме. А внизу, где сейчас готовился ужин, двадцать четыре часа в сутки работал телевизор, рассказывая, как победить обнаглевшую Америку.

Сегодня после обеда Альберт купил продуктов. Заполнил ими багажник и приготовился сразить своих избранниц щедростью и тонким, возможно, изысканным выбором блюд.

Однако до изысков было далеко, но так масштабно он готовил впервые и даже затеял тушить говядину, чтобы с приправами, соусами, овощами да в собственном соку. Пришлось купить себе фартук и посмотреть видеоуроки кухонного искусства. Конечно, проще было бы пригласить девушек в ресторан, но Альберт не мог себе позволить лишних свидетелей. Хотя и мечтал создать с избранной женщиной семью; пусть необычную, но всё-таки семью.

И чем удивить, и чем растрогать обворожительных суженых, как не горячим мясом или десертом с фруктами. Ведь его пленницы так избалованы. И каждая из них неповторима, со своим вздорным характером. Они все капризны. С ними будет ужасно сложно… Но Альберт непременно справится.

Он придумал романтический ужин, горящие свечи, – хотя нет, отставить!

Свечи атрибут уже лишний, поскольку ещё не время для пылкого огня. А вот бокалы! Сверкающие бокалы на тонкой ножке! Как он не подумал о них заблаговременно? Он день за днём поит своих девчонок из пластиковых стаканчиков – так, может быть, уже хватит издеваться над ними? Ведь его женщины привыкли к комфорту, шарму и благородству.

Но снова стоп! Поскольку стеклом можно поранить себя, стеклом можно сопротивляться – это опасно! А значит, гостьям нужны кружки.

И это даже оригинально. Стоит только представить, как утончённые дамы пьют французское вино из армейских кружек, словно они прячутся где-то в секретном бункере. Только в этом бункере нет тревог, в нём спокойно. А за пределами бункера скверна… Там взрывы, война; а в бункере тишина и покой…

Альберт улыбнулся, представив, как три его гостьи… как они тонкими пальчиками обвивают железные кружки и пьют, пьют, пьют… И смеются от счастья.

Один глоток, второй, пятый – и они пьянеют, и им весело и свободно… Но снова нет… А почему девчонки смеются? Может, его звёздочки не уважают своего хозяина, и они смеются над ним?

Белов с силой бросил на разделочную доску увесистый кусок говядины и рубанул ножом, словно возненавидел всю планету.

Мясо было свежим, только вчера жующим травку, видящим кустики. «Да что же это такое? – вопрошал всезнающий голос. – При чём здесь коровы, старина? Тебе нужна только одна женщина. Так выбери её! Не забивай себе голову хернёй! Мне тесно и тошнотворно от твоих вечных соплей!»

Альберт ничего не ответил голосу. Он лишь улыбнулся, подумав, что на лугу гуляли вовсе не коровы, а молоденькие тёлочки: такие пегие, взбрыкивающие, с упругим выменем… ждущие своего племенного бычка.

– Всё это пустое, – вздохнул Альберт, понимая, что мысли о парнокопытных лишь удаляют его от цели, потому что вершиной за праздничным столом должен стать мужчина – и, несомненно, всё будет так, как он захочет. К тому же мужчина должен быть любимым и надёжным. А он такой и есть. Альберт сильный, красивый и до крайности предусмотрительный, и даже, возможно, гениальный, как прочие гении с голосами в голове.

Но всё же нужно быть осторожным, и голос абсолютно прав.

И дело вовсе не в контрацепции, то есть не в наличии презервативов. Необходимо благоразумие и осторожность. И как хорошему юристу Альберту известны статьи, по которым он нарушал Уголовный кодекс. Но что значит закон в сравнении с заоблачным полётом его желаний и падением в низкие подвалы совести. Желания Альберта были гениальны и чахоточно больны. Потому что своих избранниц Альберт возжелал как самое дорогое на земле, но всё же наносил им душевные травмы нарочно. Поскольку, не упав прекрасным лицом в грязь, не

познаешь ценности тёплого душа и благости шёлкового белья… И не оценишь его личной доброты как единственного господина.

Кстати, о белье.

Сегодня Альберт купил по две пары трусиков для своих бунтарских княгинь. Вещи были дорогие, из московского бутика в самом центре города, где одеваются только уважающие свои прелести дамы. Так что его гостьи останутся довольны. Они обрадуются и будут благодарить его, но не в этот вечер, а через день или через неделю…

Когда девушки начнут говорить ему спасибо, Альберт точно не знал. Ему хотелось им угодить, но голос всё-таки прав – спешка вредна его плану. Нужно присмотреться, приценится и осознанно выбрать единственную.

Альберт снова успокоил надоедливый голос, пообещав тому – и выбрать, и приценится, и не спешить.

Он занимал себя поварским искусством и ожесточённо рубил мясо, словно оставленный без работы палач. Он уже нарезал колечками кабачок, почистил грибы, лук и морковь. Готовил ужин, молчал и дышал негромко, словно берёг кислород для своих девочек, потому что им в подвале бывает душно и даже страшно; а бывает, что пахнет могильной сыростью. Это как повезёт…

Прошёл ещё час. Мраморная говядина приготовилась.

Поделив мясо на четыре порции, он разложил всё по тарелкам (на противне осталось ещё на двоих). Каждую порцию Альберт украсил листиками салата и стебельками петрушки. Он попробовал кабачок, приготовленный также в духовке, потом прикусил грибочек. Всё было очень вкусно и даже красиво, когда рядом с мясом и вином. Но Альберт снова не спешил. Он включил компьютер, чтобы полюбоваться своими избранницами ещё раз, перед тем как позовёт их на ужин.

Комнат в подвале было ровно пять – плюс длинный коридор, – а пленниц было трое.

Каждая гостья подвала жила отдельно. У каждой была своя тяжёлая дверь, свой замок, узенькая кровать, своя подушка, одеяло, литровая бутылка воды, унитаз без сиденья и лампочка, которая включалась и выключалась по желанию Альберта. Каждая из пленниц в случае непослушания пристёгивалась цепью к кольцу на стене. А цепь крепилась к ошейнику с кожаной прокладкой, чтобы не испортить нежную кожу на шее. Альберт Белов заботился о своих будущих жёнах, потому что любил всех троих.

Так мило наблюдать за девчонками, когда они замечают движение видеокамеры у потолка. Камера вздрагивала, кивала, подглядывая за женщинами в одинаковых тёмно-серых пеньюарах на голое тело. Но все пленницы по-разному реагировали на движение камеры, потому что у каждой из них был свой неповторимый характер.

Певица Елена Липова́я только поднимала взгляд и сразу опускала. Потом её курносое личико пряталось в подушку, чтобы вздыхать и плакать голубыми глазками, забавляя Альберта. Он видел её обиды и гладил ладонями свои ноги выше колен, а когда становилось невтерпёж, когда начинала бить дрожь – он переключал видеокамеру.

А вот и Светлана Ротман… Это ещё та вредина…

Видя, как двигается камера, знаменитая актриса Светочка, с белой косой до пояса – беззвучно шипела, демонстрируя прелестный оскал чуть выделяющихся клыков. Альберт впервые увидел её кошачью реакцию после недельного заточения. Он еле сдержался, чтобы не ворваться в подвальную комнату и не взять её силой.

«Надо придерживаться плана, брат, – здраво рассуждал внутренний голос Белова. – Альберт, ты своё возьмёшь. Твоё время ещё придёт. Ты только влюби в себя одну душу. Пусть она познает твой гений, а затем наслаждайся… Но оставь себе самую верную. Так будет правильно, брат!»

Но третья пленница заводила его больше других. Её звали Александра Сочникова. Она популярная писательница: улыбчивая, открытая, уверенная в себе и самая молоденькая из всех троих. Утопать в её дерзком взгляде одно удовольствие. Интересно, как она изменится, и какие сюжеты зародятся в её умненькой головке через месяц?

А пока Альберт лишь готовил ужин. Потому что надо накормить всех троих, чтобы познакомиться ближе. Таков его план на вечер.

Он даже не заметил, как уничтожил одну порцию целиком, проглотив кусок мяса, кабачок и пяток грибочков. Всё съел на коленках, не отрывая глаз от экрана ноутбука.

За это время актриса Светлана Ротман трижды показала ему неприличные жесты пальцем. Белов подумал, что сейчас она пойдёт ещё дальше и захочет заворожить его, как одна из героинь её фильма; выкинет что-нибудь удивительное, например, расставит широко ноги и покажет ему женский секрет, а затем помашет приветливо ручкой: «Иди ко мне, мой разлюбезный хозяин. Иди сюда, в эту уютную комнату, на эту маленькую кроватку. Нам будет хорошо вдвоём. Возьми меня, мой гениальный похититель! Ну скорее уже!»

Руки его похолодели, взмокли ладони, а тело бросило в жар. Альберту захотелось выпить вина.

Вино было дорогое – по сорок пять тысяч рублей за бутылку. Он купил всего четыре бутылки без акции, наплевав на ценник. Но что решают деньги, когда рядом женщины, которые стоят миллионы и любят их миллионы. А сегодня эти драгоценные бриллианты у него в гостях. И делай с ними всё, что захочешь. Только придерживайся плана, Альберт!

Он откупорил бутылку и прожевал ещё порцию; не удержался и, кстати, не наелся, выпив почти бутылку вина. Он ел, пил и взгляд от экрана не отрывал и думал, что если сохранить запись, то можно смонтировать интересный фильм и назвать его, ну, например, «Терпение гения номер один», поскольку быть сдержанным и человечным, глядя на его пленниц – это великий труд!

***

Под извилистой лестницей, ведущей с первого на второй этаж, была низенькая дверца, которую сразу и не заметить. Пригнувшись, нужно сначала откатить комод на колёсиках, затем отворить эту дверь, спуститься на двадцать семь ступеней, и только тогда взору откроется длинный коридор.

По одну сторону коридора – три крепких двери с надёжными замками, по другую – ещё две двери. Это был тайный бункер Альберта Белова. Он ещё в детстве подсмотрел нечто подобное у друга своего отца, который ждал атомного удара и потому окопался основательно. Но друга давно нет в живых, как, впрочем, нет и отца, а бункер Альберт всё-таки построил.

В камере номер один вот уже сорок пять дней удерживалась известная всей стране певица, тридцатилетняя Елена Липова́я.

Камера номер два была свободна.

В третьей камере, в дальней части подвала, томилась восемнадцать суток актриса Светлана Ротман; ей уже тридцать шесть, и у неё невероятно шикарный бюст.

По другую сторону коридора находились ещё две камеры.

В четвёртой камере оборудована душевая, а в пятой вторые сутки усмирялась знойная покорительница мужских сердец и просто талантливая писательница – Александра Сочникова, которая представлялась Альберту самым вожделенным кусочком. Ей было всего двадцать пять, и незабываемое, миловидное лицо, как у керамической куклы.

Все пленницы завидно мелькали на обложках глянцевых журналов. Все трое были красивы и светлы цветом волос. Всех объединял компактный рост – не больше метра шестидесяти. Потому что Альберт любил маленьких женщин.

Певица Елена Липовая была блондинкой, причём натуральной. Прошло полтора месяца с того дня, как Альберт похитил Леночку, а цвет её не потемнел ни на тон. Грудь у певицы была

маленькая, как у несозревшей девочки. Но её талия и упругая задняя часть влекли мужские взгляды, как зовут рыцарей замки, где в хрустальных гробах спят принцессы.

Альберт выбрал Елену Липову́ю своей первой жертвой. Дважды его охота не увенчалась успехом. Дважды ему помешал личный охранник певицы. Но именно с её похищения должен был начаться гениальный проект Белова, потому что в протоколе, составленном лично Альбертом, сказано: что Елена Липовая должна первой поселиться в подвале, в камере номер один.

Так оно всё и вышло…

Он вывез певицу из ночного клуба. Елена неприлично выпила и с заднего сидения не заметила, что за рулём сидел вовсе не личный охранник, а совершенно другой водитель.

Второй в доме Альберта оказалась Светлана Ротман. С актрисой, любительницей застолий, шумных компаний и богатых мужиков, трудностей не возникло. Понадобилось только время, чтобы добраться до Суздаля, где снимался сериал о древних временах, и отвести Светочку после очередного и бурного застолья в подмосковный дом на Ярославском шоссе, что в восьмидесяти километрах от Москвы.

Меньше всего проблем возникло с писательницей.

Её детективными романами зачитывалась вся страна. Она придумывала ярких героев. И писала вполне прилично. Альберт прочёл все её книги и тоже считал себя фанатом Сочниковой.

В тот день Александра приехала в Переславль-Залесский, где встречалась с читателями в местном ДК. Разговор писательницы с аудиторией длился несколько часов, затем состоялся ужин, а после она в одиночестве отправилась на Плещеево озеро, где когда-то строил ботик Пётр Великий.

Опустив ножки в тёплую воду, Александра мысленно погружалась в работу над новой книгой, но не только… Как вдруг её кто-то схватил и связал ей руки и ноги. А через два часа создательница детективов сидела уже в подвальной камере номер пять.

***

Дверь первой камеры отворилась. Дверь подалась грузно, с почтением.

Певица, которой ещё полтора месяца назад рукоплескала вся страна, увядшим взглядом посмотрела в сторону мужчины с подносом.

На подносе тарелка с едой и железная кружка; в руке похитителя бутылка вина, на лице очки, над лысиной что-то напоминающее нимб. Ах, нет! Это только свет, падающий из коридора, путается в его скупом пушке на макушке.

Других мужчин она не видела уже дней сорок или пятьдесят. Время в подвале бежало неопределённо.

– Здравствуй, Сашенька! Я принёс тебе ужин, – улыбался Альберт. Немного смущаясь, он скромно присел на её кровать, – хотя назвать кровать её кроватью – да отсохнет язык!

Елена вжалась в стену, подтянула колени, обхватила ноги руками.

Этот урод похитил её и постоянно называет Сашей. А она не Саша, она – Елена!

Но почему бы и не Саша, если появится шанс сбежать… «Саша, Александра, Санечка… Совсем неплохо», – неожиданно подумала певица Липовая.

– Сашенька, я приготовил для тебя ужин. Попробуй это мясо. Сделай глоток вина. Вино прекрасно…

Альберт снял с подноса тарелку и передал Елене. Столовых приборов с собой не принёс.

– Не стесняйся, любимая… Ты можешь брать мясо руками. Я захватил салфетки.

Ужасно хотелось есть. Первую неделю Елена вообще отказывалась от еды и две недели стеснялась сходить в туалет. Казалось, что это какое-то сюрприз-шоу, розыгрыш; что нужно немного подождать, перетерпеть, и всё уладится.

Потом она стала кичать. Но на её плач и слёзы бородатое чудовище, нацепившее человеческие очки, не откликнулось ни разу, будто певица и вовсе потеряла голос. Тогда Елена начинала негромко напевать и обнюхивать ладони, вспоминая себя – она это или уже нет?

Елена Липовая аккуратно взяла двумя пальцами кусок и прикусила. Мясо было приготовлено отвратительно, но она всё равно жевала мерзкую еду… Проглотив кусок, подцепила ноготком круглый кабачок с тарелки; брала и чувствовала себя приручённой собакой. Она медленно работала челюстью, стараясь не поскуливать и не выдавать своего голода и отчаянья.

Елена съела почти всё, что дали.

Альберт плеснул в кружку вина.

– Очень вкусно, – изобразила удовольствие певица.

– Рад служить тебе, Сашенька, – любезно ответил Альберт.

– Что вы хотите? – тихо спросила Елена. – Для чего я здесь?

Альберт стыдливо улыбался в усики и бородку.

– Саша, ты должна полюбить меня. Просто любить.

– Но как? – удивилась женщина, делая робкие попытки договориться. – Как я могу полюбить вас, ведь мы совсем незнакомы? Если б вы доверяли мне…

Теперь изумился Альберт: прошло полтора месяца, а они ещё не знакомы?

– Когда ты будешь готова, позови меня, – встал с кровати Альберт, понимая, что Елена ещё не созрела.

Он передал упаковку влажных салфеток.

Певица схватила салфетки и тихо заплакала.

– Мне нужно принять душ… Мне нужен осмотр гинеколога… У меня сыпь по всему телу…

Ей было неловко, но лучше бы она промолчала.

Альберт дёрнулся к выходу, резко закрыл дверь.

«Успокойся, Белов, успокойся! Я говорю тебе, остынь!» – призывал голос из головы.

Он поднялся на кухню и сунул в микроволновку вторую порцию, приготовленную для следующей пленницы.

***

Из коридора в спину бил неяркий свет. Альберт открыл дверь комнаты номер три. Там находилась вторая пленница. Он также звал её Сашенькой…

– Сашенька, посмотри – я приготовил для тебя ужин. Ты хочешь поесть? – пряча улыбку, говорил Альберт.

Светлана Ротман пробивалась в кинематограф с самых низов. У неё нет богатых родителей, нет в роду театральных или других знаменитостей. И фамилию Иваненко пришлось сменить, чтобы не раздражать столичный бомонд, только на словах любящий свой народ, а на деле ненавидящий всё русское, от добрых глаз до неудержимой силы, когда этот народ разозлить.

– Что ты хотел, Петенька? – поинтересовалась Светлана, не поднимая глаз, будто занята чем-то важным.

Она назло называла Белова Петенькой. Потому что он называл её Санечкой.

– Я приготовил для тебя ужин, Сашенька, – повторялся Альберт. – Мясо с овощами и французское вино…

– Вино? – спросила Светлана.

– Шато Марго, регион Бордо, – перевёл с французского Альберт. – Если не соврали, конечно… А то, знаешь, написать можно что угодно.

Светлана сидела на кровати, расставив широко ноги. Голые ступни жёстко вонзились в холодный пол, руки упёрлись в колени. Она походила на королеву воров. Не хватало звёзд на плечах и куполов на груди.

– Дай-ка хлебнуть, Петенька! – твёрдо сказала она. – Дай мне вина!

Альберт наполнил кружку до краёв, отлично зная, что пленница из третьего номера не вчера вошла в роль криминальной смотрительницы и никак не выйдет из неё.

– Конечно-конечно, Сашенька… Возьми, пожалуйста, – передал он полную кружку.

Светлана выпила одним глотком.

– Ещё вина, Петя! – приказала она, словно в гостиничном номере её обслуживал официант.

Альберт приложился к бутылке, опустошая её из горлышка.

Светлана подняла глаза, видя, как исчезает красное вино, а Белов пил, пока бутылка не полегчала.

– Ты любишь меня, Сашенька? – неожиданно спросил Альберт, облизнув губы.

– Да пошёл ты на хер, тварь! – не выбирала слов Светочка. – Пошёл из моей камеры, псих недоделанный!

У Альберта дрогнули руки. Он чуть не выронил бутылку. Сердце бешено застучало. Но он знал, как справиться с собой.

…Однажды на допросе его вывела из себя жена одного авторитетного бандита. Её тоже звали Светлана. Женщина плюнула ему точно в лицо и хохотала, будто спятила… Альберт чувствовал вкус её ядовитой слюны. И его слух, его мозг взорвался от её железной воли. Ту женщину было не сломить, не заставить говорить, если не предпринять нечто непопулярное. Тогда Альберт разорвал в клочья её одежду и бил ногами женщину в живот и по спине, словно только что поймал маньяка на детской площадке.

Она строчила жалобы. Ему кто-то угрожал. Но к тому времени авторитетный муж погиб от пули другого бандита.

Дело удалось замять, а Белов уволился со службы и хорошо запомнил тот день. Потому что память у него была великолепной.

– Ты не готова принять мою ранимую душу, – бормотал Альберт. – Когда ты будешь готова, позови меня… И полюби меня. Тогда, может быть, я прощу тебя, Сашенька.

Он пятился на выход, словно ошпаренный рак, широко расставив руки, как клешни, а Светлана что-то кричала и смеялась над ним.

«Сильная женщина… Но почему не работает план? Что я сделал не так? Проверю на третьей, обязательно проверю на третьей!» – повторял про себя Альберт, разогревая в микроволновке третью порцию ужина.

«Брат, тебе необходима любовь этих женщин. Но единственной может быть только одна! Заруби это мысль на своём носу», – напоминал конечную цель голос, живущий где-то внутри.

***

В пятой камере томилась самая желанная, самая сладостная из всех. Она была так умна, что даже странно.

Сначала вся страна искала певицу Липовую, потом страна потеряла Светлану Ротман. Исчезновение двух известных женщин в одно преступление связывали немногие. В списке тех, кто был уверен в едином почерке похищения, находилась писательница Сочникова. Она даже затеяла новый роман, где главный герой: с одной стороны – уважаемый человек и примерный семьянин, а с другой – маньяк, насильник и убийца, – похищает двух знаменитых женщин, а полиция никак не может выйти на след. И тогда своё расследование начинает молодая писательница.

Безусловно, Саша Сочникова ставила себя на место сыщицы и прогнозировала, как разовьётся сюжет и чем закончится в итоге. Александра представляла, что маньяк замечает слежку и похищает писательницу. Он отвозит её в тайный дом, где удерживаются первые две жертвы.

В Переславле-Залесском Саша обдумывала детали истории, как вдруг сама угодила в сети.

Почти двое суток Александра представляла, что находится в коридоре за её дверью. Она видела плохо освещённый подвал, пять дверей и ступени, бегущие вверх на свободу. Похитителя она представляла таким, каким он и оказался, когда впервые встретила его. Потому доверилась интуиции целиком, давая полёту фантазии беспрепятственно проецировать картину будущего, чтобы выжить или даже сдружиться с ним.

Ей представлялись камеры. Три из них были заняты постоялицами. И тогда Александра поняла, кто находится в этих комнатах.

Но зачем их похитили? Чего добивается маньяк?

Если бы он ездил ночью на велосипеде, нападал на случайных женщин, тащил их в кусты, насиловал и душил, то многое бы прояснилось. Но этот преступник был другим, и цели у него непонятные.

Хотя от мысли, что она тоже входит в круг избранных, то есть сливок общества или мармеладок нации, становилось весело. На неё всегда заглядывались. Саша чувствовала раздевающие взгляды. А ещё… Александре хотелось верить, что и впрямь ей знакомы мужские намерения; что она ощущает их тонко, словно сама когда-то лепила из глины солдат и маньяков.

***

Перед камерой номер пять Альберт дрогнул. Он минуту не решался войти и лишь затем открыл дверь.

Писательница Сочникова смотрела на него спокойно и даже приветливо. Она лежала на спине головой на подушке, скрестив ноги, а руки её сложены на животе. Александра знала себе цену.

– Любимая, Сашенька… Я хочу угостить тебя ужином, приготовленным мною, – завёл старую пластинку Альберт, но в этот раз имя совпадало полностью. Потому что он выбрал это имя специально.

– Ты ужинал без меня? Ты не голоден? – почему-то спросила молодая писательница и погладила себя внизу живота.

– Не думай обо мне, – ответил Альберт.

– Я не думаю о тебе, я думаю о нас, – мгновенно среагировала Александра.

Она встала с кровати, подняла с пола ошейник на длинной цепи и спросила:

– Зачем нам эти сучки? Что они могут знать о наших желаниях… о наших с тобой душах? Они слабы и притворны, как весь этот мир за дверью…

Альберт сделал шаг назад: «Откуда она знает, кто спрятан в моём подвале?»

Чтобы сбавить накал, Александра потянулась рукой к тарелке.

– Мясо? – спросила она. – Ты приготовил его в духовке и купил прекрасное вино? А можно попробовать?

– Я приготовил ужин для тебя… – имя Саша Белов упустил; оно так часто повторялось за сегодняшний вечер, что даже тошнило.

Александра Сочникова забрала тарелку, присела на кровать, куснула мясо и зажмурилась.

– Как вкусно! – восхитилась она.

– Правда? – вырвалось из Альберта.

Саша кивнула, прикусив второй раз.

Ей хотелось поговорить с ним, и Альберт это чувствовал.

В его горле хлюпали слюни, семя ниже живота вскипало невиданной страстью. Хотелось выбить из её рук тарелку и крикнуть: «Выплюнь ты эту гадость!» – и повалить её на кровать.

Но он снова сдержался, лишь умиляясь аппетиту своей пленницы под номером три.

– Хотите вина, Саша? – перешёл на уважительное «вы» Альберт, словно он больше не господин, а обычный поклонник, прочитавший все её книжки до дыр.

На миг показалось, что похититель нормален. Ещё одна улыбка Сочниковой, и он попросит у неё автограф, а потом писательница черкнёт ручкой на обороте: «От меня моему почитателю Альберту Белову» – и будь здоров, Альбертик, вызови-ка мне такси! А потом она исчезнет навсегда. И всё забудется, и всё покажется лишь игрой.

Писательница тонким чутьём уловила расстройство своего похитителя и, снова опережая, спросила:

– А где вторая кружка? Я хочу выпить с тобой вина.

Александра продолжала кусать не жующееся мясо, а на её лице завис искренний вопрос: как ты мог? Неужели ты не хочешь разделить со мной глоточек счастья? Или ты предпочитаешь пленниц из первой и третьей камеры?

Альберт хотел сказать, что может пить из бутылки и со всеми сразу, но не решился говорить прямо.

– Я сейчас принесу кружку, – засуетился Белов. – Я выпью с тобой.

Сделав три больших шага назад, он вышел из комнаты, не забыв закрыть дверь.

Писательница Сочникова слышала, как скрипнул замок, выдвигая полированные цилиндры в специальные отверстия в каркасе.

Она осталась одна. В её руке тарелка с невкусной едой… и ни капли вина.

***

Альберт включил компьютер. Выбрал камеру в пятой комнате, чтобы полюбоваться Александрой…

Писательница сидела на кровати и медленно пережёвывала ужин.

«Играет со мной? – размышлял Альберт. – Или я не ошибся в ней?»

Белов несколько минут наблюдал, что Саша делает в одиночестве; как ест, как ожидает его. Затем нашёл вторую кружку, сполоснул её под струёй холодной воды и снова спустился в подвал.

Альберт налил Саше, плеснул себе.

Александра сделала маленький глоточек.

– У тебя прекрасный вкус, – сказала она.

– Совсем не разбираюсь в винах, – скромничал Альберт. – Завяжи мне глаза, дай распробовать из двух бокалов, где какое – ни за что не определю, в каком красное вино, в каком белое.

Саша негромко рассмеялась.

– А у тебя есть белое вино? А повязка для глаз?

Теперь улыбался Альберт, причём по-настоящему.

Он долго подбирал девушек, остановившись именно на этой прелестной троице. Назвать их жертвами, а себя маньяком – Альберт не решился бы. И не только потому, что не хотел признать правды.

Он действовал осознанно, считая своё поведение логичным и взвешенным. Похищение – это единственный способ собрать их вместе. Если б он смог привезти их в дом добровольно, минуя подвал и сразу в один день, то ничего бы не вышло. А вот доставить силой, ломая лживую установку – лишь тогда его план сработает, а они раскроются и станут теми, кем создала их природа.

Например, певица Елена Липовая – она ярко выраженный меланхолик. Вечно страдающая неудовлетворённость привлекла его вполне прагматично. Её целеустремлённость впечатляла даже самых азартных и напористых людей, но её сущность, удовлетворившись известностью, жаждала иного.

В своё время Елена слыла защитницей однополой любви, подыгрывая другой молодой певице. Они целовались на глазах миллионов; они обнимались, хлопали друг дружку ниже спины, изображая из себя толерантное поколение, но вскорости жизнь расставила всё на свои места.

Её сексуальная партнёрша вышла замуж. Сейчас у неё двое детей и верный муж. А Липовая в свои тридцать уже не готова трубить о лживой любви между женщинами, но своего человека она так и не нашла, – хотя мечтала об особенной семье… У неё были тысячи поклонников. Но никто не готов принять её изощрённые желания. Ей самой больно признаться в стыдливой греховности. Потому Елена находила упоение в крепких напитках; и даже употребляла порошок, не приносящий счастья, а только утренний озноб.

О Светлане Ротман вообще можно петь бесконечную песню неразделённой мечты… Упрямство и пробивная русская сила принесли ей главные роли в кино, где играла она вечно страдающих любовниц или жён, или несчастных вдов. В кино её трижды убивали, дважды она выходила замуж за араба, однажды её покусал крокодил в Конго. В своих ролях Светлана пролила океан слёз, пережила десятки чужих жизней, а свою простую роль матери и жены так и не сыграла. Алкоголь, случайные мужчины и роман с водителем «Газели», который вечно что-то перетаскивал и что-то грузил, и куда-то вёз какое-то барахло – был самым ярким и жирным пятном в её, казалось бы, праздничной жизни.

Его пленницы были с характером. И молоденькая писательница, родившаяся в далёкой Находке, могла бы написать о них книгу. В свои двадцать пять Александра Сочникова сумела издать уже восемь детективных романов и три десятка рассказов. На третьей книге Альберт понял, что переживает писательница. Её изощрённый ум находил тонкие нотки в душах своих героев, оттого что она писала исключительно о себе и своих страстях.

– Может, ещё по капельке? – спросил у Сочниковой Альберт.

– Наливай. И хватит уже спрашивать! – хохотнула она.

Сидя на узенькой кроватке, они выпили две бутылки… открыли третью. Александра прилично набралась, Альбер тоже был навеселе.

– Значит, ты знаток женских желаний? – сделав глоточек, поинтересовалась писательница.

– Не вижу другого выхода, – пожал плечами Альберт. – Обыденность меня душит.

Саша приподняла бровку, словно родился новый сюжет.

– Ну что же… хорошо, – всерьёз заговорила она. – Со мной ты попал в цель. Я где-то в глубине души желала, чтобы со мной случилось подобное приключение. Но они… как быть с ними? А если ты ошибся? Что будет, если они откажутся стать… вот такой особенной семьёй?

Альберт поправил очки и задумался.

– Да сними ты их! – непринуждённо рассмеялась Саша. – Нет, ну правда, что станет с певицей, что будет с актрисой И-ва-нен-ко?

Белов тоже рассмеялся, услышав, как можно обыграть простую фамилию.

– Всё закончится хорошо. Но! Мой прадед по линии отца в гражданскую украл у черкесов черкешенку. Глазища у неё были жгучие, волосы длинные, чёрные… У русских таких не бывает. Красавица была на зависть! И знаешь, ничего: женился он на ней и деда моего родил таким крепким, что Берлин брал… Это у меня в крови – воровать невест, – Альберт снял очки и то ли шуткой, то ли нет сказал: – Я отпущу их через три дня, а сам пойду в тюрьму. Судьба…

Он набрал воздуха и негромко запел:

– Живого в могилу зарою, все жилочки порву… А сам?.. А сам пойду в тюрьму…

Александра чуть не захлебнулась. Она смеялась, глядя, как растаял образ маньяка, которого искали с собаками все полицейские великой страны.

– А справишься? – неожиданно спросила Саша.

– В смысле? – нацепил обратно очки Альберт, но совсем криво.

– Нас трое, а ты один… А сможешь? Как оно с мужской силой?

– Скажу тебе по секрету, – чуть склонился он, перейдя на шёпот. – Когда я за вами присматривал, то получалось три раза… Легко! Я справлюсь!

Саша сделала круглые глаза:

– Ты рукой себе помогал?

– Ну не ногой же! – важно ответил Альберт.

Они хохотали и, казалось, что весь подземный острог слышит и завидует их настроению.

Наконец-то Саше встретился нормальный мужик. А то кругом одни хлюпики или, наоборот, уверенно идущие к своей цели самцы. С такими ужасно скучно. Александра, конечно, догадывалась, что живые люди ещё остались: вот такие в очках, с умным взглядом… опрометчивые и рисковые… Она часто думала: где же ваши острые сабли, мужики? Они затупились, что ли? И ржавеют на чердаках и в подвалах за дедушкиными пулемётами?

Так тоскливо и постно, когда рядом заумные дядьки. В Переславле-Залесском один из таких спрашивал: «Какие у вас планы, Александра? Когда выйдет продолжение о капитане Гвоздеве?»

Да ты что, серьёзно? О Гвоздеве тебе? О капитане? И всё ради автографа, чтобы потом опубликовать в соцсети фотографию и комментарий: я был там, и я её видел?

– Альберт, а давай навестим Ротман? И трахнем её! – неожиданно предложила Александра.

***

Светлана Ротман не спала и ждала ночного визита.

– Петенька, ты пришёл не один? – наигранно удивилась актриса, увидев рядом с похитителем симпатичную девушку.

Альберт покосился на Сашу, а та поздоровалась:

– Здравствуй, Светочка. Как ты себя чувствуешь?

– Сочникова, это ты, что ли? – пригляделась к девчонке актриса. – Тебя каким ветром сюда занесло? Газеты по ночам разносишь и заодно свои бездарные книжки продаёшь?

Александра похлопала Альберта по плечу, чтобы тот пропустил её.

Белов услужливо, словно знакомы они не первый день, пропустил девушку с кружкой в руке.

В кружке плескалось вино.

Аромат французского напитка проникал в самые удалённые уголки маленькой комнаты.

Саша сделала глоточек и ответила актрисе:

– Бездарные книжки? Кто бы говорил? Твои роли не чета моим романам! Одни старики на тебя и зарятся!

Светлана покачала головой.

– Сочникова, что-то я не пойму: неужели ты заодно с этим психом?… Да ладно!.. Вы что, вместе? Или тебя тоже украли?

– Два дня как в подвале… Но заметь, я уже с вином и на свободе, а ты в конуре, как собака, – уколола Саша. – И знаешь, Альберт вовсе не псих. Он вполне приличный человек. Я б назвала его суровым воспитателем или, скорее, жёстким корректором надломленных душ. Спасибо ему огромное! С моими страхами он справился довольно быстро, потому что я не так избалована, как некоторые. Твои же запущенные нервы из любого мужика сотворят психа. Но ты, милочка, не переживай. Альберт излечит твою моральную опухоль, а я подскажу, где резать… Хочешь выпить, Светка?

Актриса соскучилась по разговорам, по перепалкам и по остротам, потому согласилась сразу.

– От водочки не откажусь, – сказала она.

– Вот и прекрасно! – произнёс Белов, слегка подтолкнув Сашу в спину. – Посекретничайте без меня немного. Я скоро вернусь.

Он вышел из третьей камеры, не забыв закрыть дверь.

Альберт влетел по ступеням на первый этаж, открыл холодильник, схватил запечатанную бутылку, посмотрел на нарезанную колбаску, апельсиновый сок, на грибочки, огурчики, зелёный горошек, оливки и сыр.

«Будь приличным хозяином! – проснулся внутренний голос. – Умей доверять людям, Альберт. Эти женщины – твоё будущее. Твои верные половинки. Пора, старина! Пригласи пленниц в гости и тащи их в кровать. Но помни, что в итоге останется только одна. Помни – только одна! И ничего не бойся, брат!»

– А я и не боюсь, – парировал Альберт, поставив бутылку водки на стол, где ещё пару часов назад рубил мясо, слушая Болеро.

***

Сколько бы сегодня Белов ни выпил, его мозг оставался рассудителен и свеж. И потому он согласился с внутренним голосом, который опирался на ранее разработанный план и верил в гений лысеющего человека в очках.

Молодая писательница и актриса со стажем разместились у стола в центре комнаты, сидя на высоких стульях без спинки, точно как в баре.

Альберт спрятал все кружки, потому что их время ушло. Вокруг девушек только привычная посуда: стеклянные рюмки, фарфоровые тарелки, металлические вилки, ложки и острые ножи… Саша вкушала вино из бокала на длинной ножке. Светлана всё-таки настояла оставить для себя одну кружечку. Она так и сидела на стуле, закинув ногу на ногу, время от времени выпивая.

– Петя, скажи… Ты имеешь отношение к театру? – спросила актриса Ротман.

– Нет, – улыбнулся Альберт.

– То есть ты вообще не из наших?

– Я из другой области. Не танцор, не артист, не гитарист. Но интересный сценарий могу написать, если понадобится.

– Понятно. Сразу видно, что ты не танцор, – отхлебнула из кружки Светлана и посмотрела на Сашу.

– Альберт – юрист, – пояснила Александра. – Я уверена, он прекрасный специалист в своей области. Не правда ли, дорогой?

– Я справедливый руководитель, – кивнул в ответ Белов. – У меня прибыльный бизнес. И персонал неплохо зарабатывает.

– Любишь порулить? – не успокаивалась подвыпившая актриса.

– Есть немного, – будто извинялся Белов. – Помогаю начинающим юристам без опыта. Спасаю обманутых граждан… Много всего…

Светлана рассматривала Альберта от лысеющей головы до вполне приличной обуви. Почти двадцать дней, почти три недели этот псих держал её взаперти. Он кормил её гамбургерами, жареной картошкой и газировкой с бутербродами. «Килограмма два набрала, – думала актриса, вспоминая свою складку на животе. – Вот это маньячело! Взял, сука, и откормил жертву, как свинью! Может, этот гандон хочет меня сожрать?»

– Альбертик, а ты мне определённо нравишься! – впервые не назвав «Петечкой», обратилась к Белову Светлана.

– Известный факт: стокгольмский синдром заложника, – умничала Александра. – Ты влюбилась в сильного мужчину, в своего мучителя… Исключительно из-за страха… Ты просто ссыкуха, Светка.

– Сочникова, не учи учёную! – рассмеялась Ротман. – Ещё не родился тот мужик, чтобы Светку Иваненко напугать шведской семьей!

Актриса назвала свою настоящую фамилию. Она скрывала от всех своё прошлое, а здесь раскрылась, будто эти люди и дом стали родными. Светлана сама чувствовала перемены. Восемнадцатидневное заточение в подвале пошло ей только на пользу. Почему и как это слу-

чилось, она не понимала. Но ей снова захотелось жить, пить из кружки, закусывать колбасой и хлебом; даже думалось о новых ролях. И дело совсем не в синдроме заложника – совсем нет. Её восхищала обстановка; ей нравилась Сашка Сочникова – чёрт побери! Белокурая писательница с распущенными волосами вызывала у неё приятные чувства, так и тянуло прижать её к груди; а парень в очках нравился по-настоящему, как мужик.

– Кобелина ты, Альберт! – сделала вывод актриса и рассмеялась. – Твою же мать! Я в тебя влюбилась, что ли! Ну надо же!

Она закрывала ладонью лицо, смеялась и плакала. Ей хотелось расцеловать маньяка-юриста, обнять вредную писательницу – это просто сумасшествие какое-то!

– Хорошая ты баба, Света, – призналась Саша. – Но что ты скажешь, когда узнаешь, что в этом доме греха нас четверо?

Актриса Ротман как по команде режиссёра перестала смеяться. С любопытством она уставилась на Александру и спросила, сложив бровки, словно увидела корзину с пушистыми котятами:

– Четверо? Ты за два дня успела родить малютку?

Альберт тоже издал смешок. Он предпочитал не вмешиваться в зреющие отношения. Не пугать зарождающуюся любовь.

– Всё бы тебе хихикать, – отмахнулась Саша, сдерживая свой смех. – Не поверишь, в камере номер один сидит Липовая. Знакома тебе такая певица? Альберт перевоспитывает её уже полтора месяца… Интересно на результат взглянуть…

Ротман поставила кружку на стол, пальцем приказав Альберту налить ещё.

Он послушно поднялся с места, плеснув в кружку сразу граммов сто.

Светлана, не отводя глаз, следила за хозяином дома – как он встал, взял бутылку, наполнил кружку и снова присел.

– Я поняла тебя… Я поняла тебя, Петенька… – таинственно повторяла актриса, в этот момент не играя вовсе.

– Ну а я о чём? – вторила ей Александра. – Альберт не маньяк… Альберт гений!

– Вот скажи мне… – актриса подняла кружку над головой, посмотрела на донышко, словно оно прозрачное, – …откуда ты мог знать, что я неравнодушна именно к этим двум женщинам? Ладно, Сочникова. Книги у неё приличные, это правда, и я могла их прочесть и влюбиться через страницы. Но Липовая? Вы слышали её песенки? «Они летят по небесам на самолёте из Москвы в Биробиджан» – это ж какие глупые слова! Кто их только написал?… Но вот в чём дело! Леночка нравилась мне всегда! Как ты узнал об этом, Альберт? Скажи мне…

Белов достал из пачки сигарету и закурил.

– Девочки, я помог вам исполнить самые скрытые влечения. Каждая из вас пряталась где-то в глубинах прекрасной несвободы. Вам было там тесно, не хватало воздуха, а теперь желания вырвались на свободу и встретились здесь, в моём доме, – Альберт водил сигаретой, будто рисовал струйками свой портрет. – Не стану я раскрывать все секреты, пусть это останется загадкой. Главное, что мы сейчас вместе.

– Липовой просто необходимо подняться к нам. Она уже поспела. Хочу видеть её среди нас, Альберт! – твёрдо сказала Александра. – Дай мне ключ, я приведу её сама.

– И я пойду с тобой, – легко спрыгнув с высокого стула, отреагировала Светлана.

Альберт положил ключ от первой камеры на стол.

Саша взяла ключ и направилась в подвал.

Актриса Ротман последовала за писательницей.

***

Только к полудню Альберт открыл глаза… Все четверо спали на одной кровати, где могли уместиться ещё три женщины. Кровать, сделанная на заказ, была настоящим полигоном для сна, для любви и вырвавшейся на волю страсти.

Он проснулся в объятиях Елены Липовой. Голова известной певицы лежала на его плече. Елена чуть дышала, ещё пребывая во сне.

У второго плеча сопело прекрасное личико писательницы Сочниковой.

Где-то внизу на животе лежала актриса Светлана Ротман. Она поглаживала ладонью расслабленное тело хозяина дома, целовала его руку.

«Я ж говорил, что всё получится, братишка! – радовался голос, проснувшись раньше Альберта, а возможно, вообще не засыпавший. – Ты, старичок, всё сделал правильно! Теперь срывай сладкие плоды, упивайся успехом и не упускай момент! Я бы на твоём месте первой подключил актрису. Она уже рядом, она на взводе… Ты только веди её! Но ты должен помнить о финале, брат. Остаться должна только одна».

– Я умею считать и знаю, сколько мне надо жён, – сказал Альберт.

***

Переполох, вызванный внезапным возвращением певицы Елены Липовой и актрисы Светланы Ротман, затих после их скучного рассказа, как они вместе проводили время где-то в Подмосковье, не включая радио и телевизор, не зная, что за них переживает большая страна. Исчезновение писательницы Сочниковой вообще осталось не замеченным.

Через неделю всё стихло.

Ещё через десять дней все забыли, как переживали о пропаже знаменитых женщин.

Отсутствие интереса журналистов, так и норовящих залезть под любовное одеяло, шло только на пользу особенной семье. Каждая из девушек привнесла что-то новое в дом…

Во дворе появились три новых автомобиля.

Каждая из девушек в любую минуту могла покинуть общий дом. Все занимались привычными делами, проживая обычную для себя историю.

Актриса снималась в сериале.

Писательница рождала интригующие истории.

Певица разучивала новый репертуар.

Альберт представлял интересы медицинской клиники трансплантологии органов в споре с другой клиникой из Китая того же профиля.

Но вне зависимости от занятости и работы каждую ночь вся семья собиралась вместе. Большая семья ужинала в полном составе, а затем отправлялась на огромное ложе, чтобы утром снова не выспаться.

А внутренний голос продолжал настаивать. Он тревожил своего хозяина, предупреждая, что это попросту невозможно, чтобы всё сложилось так гладко; что надо оставить только одну женщину!

Альберт посмеивался над опасливой осторожностью. Он отлично знал себя и был уверен в своей гениальности.

***

Прошло несколько месяцев. Наступила осень. За окном накрапывал дождь и падали листья. Особенная семья продолжала жить в прежнем составе, но с каждым днём обстановка накалялась всё жарче…

Актриса ругалась с певицей.

Писательница заключала временные союзы сначала с Еленой, потом, внезапно разорвав договор, влюблялась в Светлану.

Ссоры и споры были бесконечны.

Даже Альберт не мог остановить лавину шуток, острот и откровенно глупых поступков.

После пылких ночей женщины просыпались и, выражаясь фигурально, кусали своих соперниц, не боясь обломать зубы и затупить ноготки.

И вот в один чудесный вечер в доме снова заиграло Болеро. Светлане Ротман нравилась бравурная музыка. Александре Сочниковой тоже.

Гигантским ножом, очень похожим на топор, актриса рубила жирный кусок свинины. Саша сидела рядышком, постукивая пальцами по столешнице, в такт мелодии Мориса Равеля.

Вдруг что-то изменилось, словно их подменили, потому что к воротам подъехала легковая машина иностранного производства.

Это был примечательный автомобиль, хорошо знакомый Светлане. На заднем стекле авто большими буквами в готическом стиле было написано одно слово «Воин», а на лобовом стекле наклеена табличка, означающая, что машиной управляет инвалид.

– Сергей приехал, – глядя в монитор, оповестила Александра Сочникова.

– Давно пора. Заждались уже, – усмехнулась Светлана Ротман.

Водитель крепкого телосложения вышел из машины и посмотрел в объектив камеры на столбе у забора. Затем открылась массивная дверь, впуская его во двор.

Прошла ещё минута, и водитель стоял на кухне.

Двигался он быстро, спортивно, уверенно. Глаза у него были серые и густая рыжая борода без усов. Парень явно занимался борьбой, потому что его уши были переломаны, словно в детстве откуда-то из-за Уральских гор ему каждый день показывали Москву.

– Здравствуй, Серёжа, – поздоровалась Светлана, продолжая терзать кусок мяса ножом.

Водитель подошёл к ней, взял её за подбородок и жадно поцеловал. Поцелуй был страстен, но короток.

– Где ваш урод? – спросил Сергей.

– Он у себя, – сжимая рукоять ножа, прищурилась актриса.

Светлана умела щуриться, напрягать лицо, изображая раздражение и неудержимый напор. Её прищур сообщал, что она не остановится ни перед чем в этот вечер.

– Проводи меня к нему, – потребовал водитель, как выстрелил.

– С удовольствием, воин!

Светлана шла впереди, за ней Серёжа. Александра осталась на кухне.

Актриса и водитель вошли в комнату, где спал Альберт. Белов лежал совершенно голый на огромной пастели, не забыв снять очки.

– Он в натуре урод! – сморщился водитель, разглядывая Альберта.

Сергей мог справиться с Беловым без особого труда. Мог избить, придушить или сразу убить.

– Не проснётся? – задал вопрос Сергей, надеясь, что он всё-таки проснётся.

– Ни в коем случае. Хоть в ледяную воду брось эту тварь, – сообщила Ротман. – Напоили его сполна. Александра целую бутылку привезла какой-то гадости. Уверяет, что достаточно пяти капель, чтобы спал несколько часов.

– Я понял, – сказал водитель, схватив Альберта за стопы.

Он тащил его вниз в подвал. По звучным ударам головой о бетон можно насчитать ровно двадцать семь ступеней.

– Куда его? – даже не запыхался Сергей.

– Во вторую, – ответила Светлана, открывая ключом камеру номер два.

Эта комната была чуть шире других камер, и кровать здесь заметно больше. Ещё там стоял умывальник, а у унитаза дужка имелась. Но главное, что здесь был маленький лифт, по которому можно передать воду и еду.

– Как для себя старался, Петенька! – оглядывая подвальные хоромы, оценила Светлана.

На стене в камере висели три фотографии: певица Липовая, писательница Сочникова и сама актриса Ротман, в юности Иваненко.

– Серёжа, а ты чего сегодня не на «Газели» приехал? – почему-то спросила Светлана у водителя, который вечно что-то куда-то таскал; сегодня он волочил тело Альберта Белова в подвал.

– Движок что-то барахлит. Надо бы в сервиз машину сдать, – жаловался водитель, закинув Альберта на кровать, а потом добавил: – Всё, вроде… Урод, блин!

Эпилог.

Ночь закончилась… Светало…

В доме все спали так крепко, что не заметили, как певица Елена Липовая припарковала машину во дворе и спокойно спустилась в подвал. Отдельным ключом она отворила дверь второй камеры, присела на кровать и подтолкнула Альберта в плечо.

Ужасно болела голова. Почему-то в мозгах звенело «Болеро», словно снова вернулся тот первый вечер.

«И с чего это вдруг… «Болеро»? Где я?» – подумал Альберт, ещё не разглядев любимую певицу.

Он лежал на кровати. Справа на стене три фотографии, которые он сам и повесил когда-то.

«Ты в камере номер два, старина, – ответил внутренний голос. – А я предупреждал тебя. Нельзя верить девицам, особенно той, что сочиняет романы… Я говорил тебе: оставь себе только одну. А ты не слушал…»

– Да не скули ты, нытик! – открыв глаза, ответил голосу Альберт. – Это хорошо, что я во второй камере. А ещё ты много болтаешь, поскольку у меня уже есть единственная… И она здесь со мной…

Альберт приподнялся и поцеловались Елену Липовую в губы.

– Они предали тебя, Альберт, – зло сказала Елена.

– Этого следовало ожидать, любимая, – встряхнул головой хозяин дома, чтобы окончательно прийти в себя.

– Что ты сделаешь с ними?

Альберт призадумался.

– Пожалуй… Пожалуй, я спущу их снова в подвал. Здесь им самое место.

– А водителя куда? Он сильный соперник. Рано или поздно сбежит, – предупредила певица.

– Знаешь, любимая… а это хорошая идея! – восхитился Альберт, словно Липовая подсказала ему. – Утром у меня важная встреча с одним китайцем. Должен признаться: у этих ребят смелые взгляды на трансплантологию. Полагаю, я найду с ними общий язык и предложу одну здоровую печень… Кстати, ты не знаешь, почём нынче почки и костный мозг?

Певица Липовая закатила голубые глазки, приложила ладонь к маленькой груди и томно вздохнула:

– Всё-таки, Альберт… ты настоящий маньяк!

Елена наигранно фыркнула и добавила:

– И оставайся таким навсегда… Но только, пожалуйста, не зови меня Сашенькой…

Не в ту дверь (18+)

Я познакомился с ней в интернете. От скуки.

Был обычный пятничный вечер. Я немного устал после трудовой недели. Ящики я не таскаю, но дело своё знаю. Работаю в одной конторе, в отделе продаж. Продаю запчасти для китайских машин. Зарабатываю неплохо. Спрос, знаете ли, только растёт.

В общем, налил я себе пивка, включил ноут. Люблю погулять по сайтам знакомств. Пофлудить, повыёживаться.

Признаться, сколько бы я не переписывался, никогда не было реальных встреч. Ничего не получалось. Вечно меня посылали. Хотя одна встреча всё же была, но совсем неудачная, а скорее, гадкая – и вспоминать, сука, тошно.

А ещё не хочется разочаровываться. Девушки, мягко говоря, преувеличивают свои достоинства. Анкеты бывают очень яркие, позитивные, но верить им я бы не спешил. К тому же опасаюсь насмешек и предательства. Мне двадцать семь, и я прекрасно осведомлён о нравах современных девиц. Попадёшь к таким в сети, и привет – сожрут вместе с кошельком и ширинкой.

Моя переписка всегда начиналась с «как дела, красавица» или «прекрасный вечер, цыпа». Потом я банально писал, что ты лучшая, ты королева сайта, и восхищался её глазами. Хвалил, шутил, что-то выдумывал. Они отвечали, иногда подыгрывали и тоже хвалили. Но никогда я не обижал девчонок, даже если посылали ко всем чертям.

И вот однажды меня зацепило. Точнее, зацепила…

Звали её Елена. Вроде обычное имя, но что-то во мне вспыхнуло такое жаркое!

Она была будто растеряна. Словно заглянула на сайт случайно. Отвечала с долгими паузами. Я прозвал её застенчивая душа.

Она была похожа на школьного педагога. Такая чопорная и зажатая. Это только в порнухе училки прямо у доски скидывают юбки, падают животом на стол и требуют стянуть с себя трусы. В жизни всё иначе. И ежу понятно, что работа с детьми не подразумевает минеты на родительском собрании. Хотя… кто знает этих скромниц, чем они занимаются в своих учительских, когда дети выметаются из школы?

Мне стало жуть как интересно! И зачем-то я выдумал, будто тоже учитель…

И вы знаете, сработало!

Елена стала отвечать гораздо быстрее. Потом спросила, что я преподаю и где работаю.

Я вспомнил школу, где когда-то учился. Сказал, что работаю географом, потому что был у меня друг в детстве, с которым мы играли в страны и города. Он говорил страну, я называл столицу. Затем я называл город, он отвечал… В общем, сколько материков и континентов я ещё помнил.

Короче, меня несло. Переписывались мы допоздна. Уснул я только в три часа.

Всю ночь снилась стройная девушка с указкой, которая вызывала меня к доске и что-то спрашивала. Я подходил к доске и почему-то вспоминал функции и фотосинтез…

Проснулся около девяти утра и сразу включил ноут.

Экран загорелся, меня обдало жаром.

Смотрю и не верю. Такая рань, а от неё уже пришло сообщение.

Сука, я дрожал как пятнадцатилетний пацан! Но сразу письмо открывать не стал. Волновался. Смаковал… Ну и зассал, безусловно.

Я поставил чайник, зажёг сигарету. Думал, налью кофе, новости в «телеге» почитаю, а лишь затем… Но не сдержался.

Открыл письмо и прочитал: «Может, встретимся?»

Блять… и тут я завёлся!

Думал недолго. Ответ мой был лаконичный. Казалось, что нужно быть конкретным и скрыть волнение.

«С удовольствием, Леночка. Ты мне очень понравилась. Где и когда?» – ответил я как истинный джентльмен.

Горячий кофе обжигал губы. Дым сигареты обволакивал лёгкие. Глаз слезился. В штанах шевелился мой средних размеров брат. В общем, я жадно ждал ответа!

Кофе закончился. Зажглась уже вторая сигарета. И, наконец-то, пришло сообщение.

«Если ты не против, то встретимся у меня».

– Ну ни фига себе скромница! – обрадовался я.

Я стал писать. Но тут же стирал… Стирал, писал и снова стирал.

В голову лезла какая-то хуйня!

Я боролся с собой минут десять и всё же выдал кристально отточенный ответ: «Я за, Лена. Пришли адрес».

Она долго не отвечала. Наверное, минут тридцать.

Через пять минут я выключил ноут и отправился в ванную, будто мне на всё похуй.

Я пел под нос старую песню: «Один раз в год сады цветут» и выдёргивал волосы из носа.

Потом решил помыться.

Мыло выпадало из рук, шампунь выдавливался мимо, душ никак не зажимался между ног. Он постоянно крутился, поливая упругими струями стены и занавеску. Я продолжал делать вид, что мне плевать. Но себя не обманешь.

Выбежав из ванной, я снова залип. Сразу заметил сообщение, я ведь не слепой!

Она всё-таки написала свой адрес, мол, улица-дом такие-то, этаж девятый, квартира сорок три. Была ещё инструкция, что встречаемся в 19:00, а у лифта нужно свернуть налево, и там я найду её дверь.

Ну налево, значит, налево.

Короче, я был счастлив. Потому что всегда хотел познакомиться со скромной девушкой. Ибо сам скромняга; ну и просто – честный и хороший парень.

***

Наступил вечер. Я отправился к ней на метро. По дороге купил недорогой букет. Всего пять алых роз в упаковке.

Микрорайон был новомодный, но дом я нашёл быстро. Подъезд тоже.

Подходя к подъезду, увязался за бабулькой, которая запустила меня без проблем. Выгляжу я всегда прилично. К тому же я вежлив, улыбчив, с цветами. И уродом себя не считаю.

Бабуля осталась у почтовых ящиков и зачем-то сказала:

– Ты езжай, сынок. Мне ещё в магазин надо.

Я кивнул старушке и вызвал лифт.

Поднявшись на девятый этаж, столкнулся с запыхавшимся парнем. Он почти плакал. Поскуливал, как щенок. Ему не было и двадцати. Совсем молодой.

Парень ломился в лифт, я спокойно вышел. Потом, как учили, свернул налево по коридору.

Шёл и искал нужную дверь. Но жильцы ещё не позаботились приклеить номера на входные двери. Так что найти 43-ю квартиру было сложно.

Но вдруг беззвучно отворилась дверь. Я обомлел!

За порогом стояла девушка. Она была ярко накрашена, глаза светились. На ней лёгкий халатик, ножки босые. Показалось, что под халатиком совсем ничего нет. Твою же мать, во мне фартит!

«Блять, да она охуенная!» – подумал я, даже не обратив особого внимания, что фото на сайте не соответствует реальности.

Но барышня была хороша! Я бы сказал, что она гораздо!.. гораздо сексуальнее прежней!

– Я Максим. Я ищу Елену. Мы договорились о встрече, – негромко и даже где-то застенчиво сказал я; не хотелось выглядеть наглым. Я всё-таки скромный человек и в девушках ценю скромность.

А вот настрой красотки был более чем решительный.

– Здравствуй, Максим, – ответила она. – Может, пройдёшь?

«Ну всё, это та самая!» – понял я.

Всё сходится.

То она писала: «Может, встретимся?» – а сейчас говорит: «Может, пройдёшь…»

– Пожалуй… пройду… – скромничал я и робко улыбался.

Она впустила меня.

Захлопнулась дверь.

– Это тебе, – всё так же робко передал я цветы Елене.

Она приняла подарок. Затем окунула лицо в бутоны и жадно втянула воздух.

«Ебать-стрелять, да она не в себе!» – почувствовал я её флюиды.

Девица хотела секса так, что мой средних размеров брат превращался в настоящего гиганта. Я не успел снять кроссовки, а хер стоял, словно я уже голый валяюсь на шелковых простынях с самой нежной, с самой похотливой самкой – и вовсе не скромницей.

– Иди за мной, Максим, – томно позвала она, оставив мой букет на тумбочке в коридоре.

Мы зашли в спальню. Квартира была новой, но уже обставленной. И обставленной со вкусом.

Елена упала спиной на большую кровать, раскинула руки.

– Хочешь меня? – игриво приглашала она.

«Ах ты ж, с-с… Елена!» – подумал я.

Почему-то я представлял её ровесницей. Но на самом деле ей было лет двадцать. И никакая она не учительница. Всюду фотографии в рамках. То она сидит на капоте машины, то у берега моря. Всегда она улыбчива, всегда весела – и такая развратная!

«Может, и хочу», – решился я и скромно прилёг рядом.

Мы еблись не менее часа. Мы не занимались любовью и не трахались – мы именно еблись! Как животные! Такой сладострастной девки у меня не было никогда!

Тело у неё упругое. Грудь маленькая, будто ещё не созрела. А её кожа! Нежная, гладкая!

Я упивался…

В порыве очередного захода мы свалились с кровати.

Я долбил её своим окаменелым братом без перерыва минут двадцать прямо на полу.

Я целовал её в шею! Она скребла когтями мою спину! Но боли я не чувствовал. Только сжимал зубы и рычал по-звериному. А девчонка кричала, часто задавая мне один и тот же вопрос:

– Я твоя сука, Максим? Ответь мне, Максим, я только твоя сука?

– Ты моя сука! Ты только моя! – хрипел я.

Она просила… Нет, она требовала ещё и ещё, а я всё твердил: «Ты моя сука! Ты только моя!»

Но вдруг мы услышали, как хлопнула входная дверь.

Девчонка резко столкнула моё разгорячённое тело, будто я ничего не весил.

Схватив халат, она запахнулась и присела на кровать.

Я зачем-то встал на ноги и посмотрел вниз.

На ступнях скомкались носки. Они болтались, словно презервативы на обмякшем члене. Но мой верный брат не сдавался. Хер превратился в сущего великана! Брат кипятился и дубовым стволом смотрел в сторону приоткрытой двери в спальню.

– Лови трусы! – подбросив мои трусы с якорями, только успела сказать девчонка.

Я так и стоял с членом наперевес, угрожая отъебать всех, кто проживал в этой квартире!!!

Затем послышался женский голос. Потом голос разъярённой фурией ворвался в комнату.

– Ты с ума сошла, Света? – закричала женщина.

Она таращилась то на девчонку, то на меня. Но внимательней всего разглядывала моего крепкого братца.

– Только не начинай, мама. Это не то, что ты думаешь. Он сейчас уйдёт, – сказала моя сука.

«Так вот в чём дело! – быстро соображал я. – Елена вовсе не Елена, а паинька Света, которая слушает маму… Но откуда здесь мама? Может быть, это с ней я вёл переписку?»

А мамаша была хороша! В соку! Ей лет сорок. Она блистала глазами, посматривая на моего разбушевавшегося великана. Но моему брату было плевать. Хер гордо возвышался над всеми загадками и разгадками – и совсем не конфузился.

– Света, он кто такой? – кивнула в мою сторону мамаша. – И где твой Серёжа, Света? Ты говорила, что он придёт к тебе вечером. Ты что, поругалась с ним?

– Не знаю, где Сергей… Да, мама, мы поругались! Его больше нет, и не будет! – подскочила с кровати девчонка и стала хватать свои вещи.

Она носилась по комнате, как ошпаренная. Света скинула халат, натянула на себя штаны в клетку и свитер, а затем выбежала в коридор и силой захлопнула дверь.

А я так и стоял в одних носках-презервативах, покачивая бодрым братишкой.

Наверное, мне нужно было тоже немного побегать по комнате, чтобы надеть джинсы, футболку и подтянуть носки. Но я не успел. Я оторопел; ну и ссыканул, безусловно… И понятно почему.

Я всегда был немного застенчив. Мелькать голым задом перед столь красивой женщиной не в моих правилах. Я ждал развязки. И будь что будет!

Мамаша с интересом косилась на меня. Она заводилась. У этой женщины заиграли гормоны. Не старуха всё-таки.

– Мне бы в ванную, – переминался с ноги на ногу я.

Брат продолжал твёрдо стоять. Он не ссал. Уважаю!

Ну я успел схватить трусы, брошенные мне Светой. Я сжимал их в левой руке; правой рукой я почёсывал мошонку.

– Иди за мной, – строго посмотрела на меня мамаша.

Она была хороша. Высокая, стройная. Лицо красивое. Волосы каре, тёмно-каштановые. А её губы так и шептали: «Сегодня я твоя Елена! Забудь обо всём!»

Я забыл и пошёл в ванную.

Там включил воду. Стыдливо посмотрел в зеркало. А мой храбрый брат упрямо смотрел на лампочки в потолке.

Мамаша зашла следом.

В ванной было тесно. Она подталкивала меня в спину. И вдруг я ощутил прохладную ладонь на своей заднице. Я снова заробел, и трусы из левой руки сами собой упали на коврик.

Мамаша нежно бодрила моего брата. Она опускала руку, затем поднимала. Она опускала, затем поднимала… Она, сука, опускала и поднимала, опускала и поднимала!!!

«Блять, ну и семейка! Придётся и тебя отъебать!» – подумал я, чувствуя, как её губы целуют мои лопатки.

Мы вернулись в спальню. Она скинула с себя одежду, и на той самой кровати, где я только что любил молодую леди, я уже долбил леди среднего возраста. Вы не поверите, но мы снова еблись!

«Я ебучий пулемётчик! Я самый меткий и самый злоебучий пулемётчик на земле!» – стучало у меня в висках, когда моё тело соприкасалось с её ягодицами.

Я строчил, я лупил, как в последний раз!

Она отвечала стоном и всё время твердила: «Ах ты ж сучонок! Ах ты ж козлина!»

«Ну и пусть я козлина… Да ничего обидного…» – расчётливо рассуждал я, продолжая долбить её мясистый зад.

Не знаю, сколько прошло времени. Я был весь в пене, как конь на пашне. Я целовал её везде. Я облизывал её мокрое тело, наверное, только для того, чтобы она перестала называть меня козлиной. Но она не замолкала.

А у моего брата подкатывало, но я не хотел заканчивать. Тогда я перевернул её на спину, чтобы она замолчала. И словно кляп, вставил великана ей в рот и определённо, и громко сказал:

– Заткнись, Елена, и соси!

Она просто взбесилась! Она возжелала заглотить моего брата целиком!

Женщина извивалась змеёй, хлюпала, сопела и царапала мою задницу когтями. И я понял, что мамаша хочет сожрать меня вместе с братом.

Но мне было плевать. Я не боялся ни укусов, ни ядов, ни самой смерти!

Мы увлеклись и не заметили, что кто-то снова вошёл в комнату. И я услышал слова за спиной.

– Что же ты делаешь, мама?!

Блять, ну что за вечерок! Это Света вернулась. Сейчас она меня скромного приревнует.

Я аккуратно вытащил брата из мамашиного рта, но тормозить не собирался. Я продолжал яростно мастурбировать, смотря точно в глаза девчонке.

Но Света была не одна. В комнате стояла ещё старушка в плаще; та, что впустила меня в подъезд.

У Светы были мокрые глаза, а бабуля прикрывала морщинистой ладонью рот.

«Пиздец! Приехали… Теперь ещё старуху привели! – понял я и сразу принял решение. – Бабульку ебать не стану. Хоть убивайте!»

А старушка заинтересованно разглядывала меня. Или, скорее, разглядывала моего брата.

Но я-то не ревнивый, пусть смотрит сколько хочет. Поскольку я скромный, но не ревнивый…

…Вообще, вся эта история произошла спонтанно. Можно сказать, случайно. Не хотел я никого обидеть. И можно сказать прямо, я лишь любезно ответил на предложение заняться сексом. Со мной такое произошло впервые.

Стыдно, конечно…

– Не ожидала от тебя такого, Леночка, – причмокивала старушка. – Какой пример ты дочери подаёшь?

Ага! Так это всё-таки мамаша вела со мной переписку! Значит, это она пригласила меня!

И я почувствовал вину.

Блин… Ну так бывает. Я немного ошибся. Пришёл к одной, а выебал её дочь.

Но Лена тоже хороша! Фотографию чужую на сайте повесила и с дочкой не продумала…

Но всё же я ни о чём не жалел. Хотя немного расстроился оттого, что ни разу не кончил. Светку час шпилил, мамку ебал тоже час, потом сосала она ещё… И, сука, ни разу…

Я поднял взгляд на старушку. Она подобрела. Она уже привыкла ко мне; смотрела как на родного и всё время перебирала пуговицы, будто хотела распахнуть плащ и удивить меня.

«Нет, бабку-эксгибиционистку жучить не стану! Пусть даже глазки не строит!» – твёрдо решил я.

Я засобирался.

Сначала надел носки, потому что в порыве страсти они слетели, будто меня сбил грузовик… Потом пришла очередь трусов. Идти в ванную за трусами было боязно. Вдруг там, в коридоре, кто-то ещё прячется? Я, конечно, не боялся, но жутко стеснялся. Понимаете, скромность – она ведь в крови, – она с молоком матери…

Елена накрыла своё голое тело пледом, наблюдая за мной.

Света присела на пуфик у платяного шкафа, тоже посматривая на меня.

Бабушка так и стояла в дверях. Плащ не расстёгивала.

– Мне, наверное, пора, – сказал я.

Бабушка отступила в сторону, дав мне пройти.

Света осталась сидеть на пуфике.

А Елена, завернувшись в плед, провожала меня.

Мы подошли к входной двери.

Пока я напяливал кроссовки, Елена совсем тихо спросила:

– Номер свой оставишь?

Я поднял глаза. Она была и вправду красива. И возраст совсем не помеха. В конце концов, не жениться меня зовёт.

– Конечно, оставлю, – улыбнулся я и поцеловал её в губы.

Поцелуй затянулся. Она тянула меня за волосы на затылке. Мой брат снова оживал.

Но Елена сумела остановиться.

– До встречи, – прошептала она, взяла букет с тумбочки и передала его мне. – Забери. Не хочу из-за цветов ссориться с дочерью.

«Из-за цветов?» – изумился я, но букет забрал и напоследок продиктовал цифры.

Она записала номер в блокнот на верёвочке, и я быстро вышел из квартиры, где проживает много-много страстных женщин.

Эпилог

Длинный коридор. В нём шесть квартир…

Я стоял и смотрел на квадратные лампы на потолке.

Искал сигареты и думал. И взвешивал…

Что ни говори, а вечер всё-таки удался. Хотя кончить так и не удалось.

Медленно, чуть вразвалочку, как бык, отъебавший целое стадо бурёнок, я направился к лифту.

Проходя мимо одной из квартир, услышал, как скрипнул замок. И тут же открылась дверь.

Твою же мать! За порогом стояла она – Елена; моя скромная ночная гостья с блудливого сайта; моя учительница – моя красавица Лена…

– Вы Максим? – робко поинтересовалась она.

– А вы Елена? Педагог из сорок третьей? – скромно спросил я.

Елена увидела букет роз, который ей показался волшебным. Она улыбнулась…

– Вы задержались, Максим. А я ждала вас, – сказала девушка, и её щёчки порозовели, как яблочки.

Глаза у неё были красивые, томные, словно из прошлого. Она заблудилась не только на сайте знакомств, она заблудилась в самой Москве… И я вместе с ней заплутал.

Это была удивительной красоты девушка…

«Моя же ты скромница», – подумал я, чувствуя, как мой брат средней величины снова превращается в великана, чтобы всё-таки кончить, пусть даже не в этот раз.

Бойся желаний

Когда спускался вечер, Роман Непомнящий всегда совершал пробежку: три километра в одну сторону, три обратно. Бежал он по тропинке вдоль берега Байкала. Иногда тропа уводила в лес, где справа и слева его сопровождали вековые сосны… и не только…

Однажды Роман заметил, как из кустов за ним наблюдает рысь. Крупная кошка разглядывала странное существо, тратящее силы напрасно. Если бы человек гнался за добычей или обходил свои владения, помечая территорию – цель его была бы ясна, а бегать ради забавы, чтобы устать и вспотеть… Странные они, эти люди.

Но Роман точно знал – перед сном нужно снять напряжение. Ему всего тридцать восемь, а ночь уже превратилась в сущий кошмар. Хотя тело его тренированное, мышцы пружинистые, а лёгкие не задыхались, даже если он ускорялся, совершив приличный рывок.

Проживал Роман Непомнящий в одиноком доме на холме, совсем рядом с Байкалом. Из соседей у него только лес, озеро и любопытная рысь.

Вернувшись с пробежки, он принимал контрастный душ; обтирался насухо полотенцем и переодевался в чистое, словно к чему-то готовился. Потом заваривал травы в чайнике и, устроившись у панорамного окна во всю стену, любовался, как мерно или взволнованно качаются волны на могучем озере, а на небе светит луна – если тучи не прячут её от глаз.

На воде сегодня было спокойно. С кружкой чая Роман подошёл к холодильнику.

Вот «кола» в литровой бутылке: газированный напиток, безусловно, неполезный, но шестнадцатилетнего Глеба иногда можно баловать. Сын всё-таки.

Вот итальянский сыр с плесенью, мелкими трещинами и голубыми прожилками – это для тёщи, Татьяны Николаевны. Любит она сыр – и итальянский знает, почти как родной.

Для восемнадцатилетней дочери, которую звать Анюта, куплена упаковка пирожного с кремом и в шоколаде, а ещё апельсинов килограмма три, чтобы сок надавить полный кувшин.

Для жены Ольги – китайские груши: такие крупные, пузатые, жёлтые. Груши у наших китайских друзей бывают невероятно сочными и воздушными.

У самого Романа вкус был непритязательный. Он достал докторскую колбасу, извлёк из хлебницы ржаной каравай и соорудил бутерброд. Откусив краешек с поджарой корочкой, снова открыл холодильник и подумал: «Для чего я купил столько еды? У меня ведь и жены нет… нет детей. А той весной тёща погибла в Иркутске».

Растерянно Роман присел на стул, сложил руки на коленях.

Ровно год назад в таком же тёплом мае они все умерли; ушли из его жизни. А он продолжал не только думать о них и покупать для них продукты, но и встречаться с мёртвой семьёй. Обычно это происходило после пробежки, холодного душа, чаепития, проверки содержимого холодильника и заката. Роман выходил из дома, разжигал костёр в камине, присаживался на деревянную скамейку у стола, где могли уместиться ещё семеро, и ждал появления родных.

Переживания об ушедшей семье совершенно запутали Романа. Назвать его сумасшедшим не решился даже доктор лётного отряда; но от полётов всё-таки отстранил. Всё по закону…

Хлопая по карманам, Роман искал телефон. Телефон нашёлся сам, запиликав под лавкой функцией «напоминания».

«Пора пить таблетки, – опомнился Роман. – С ума можно сойти без этих таблеток».

Он вернулся в дом, чтобы проглотить вечернюю дозу. Запил таблетки остывшим напитком из трав и снова отправился в беседку, прихватив с собой бутылочку воды.

Его карие глаза заискрились. На вытянутом, худощавом лице, с длинным прямым носом и острым подбородком – играла улыбка. «И кто только придумал эти лекарства? – качал головой

Роман. – Пей не пей, а семья всё равно вернётся. Опять я увижу детей, родную жену и тёщу… куда без неё…»

Он разжёг в камине огонь. Дрова занялись быстро. Щёлкали сучки, потрескивали сосновые ветки, пылали сухие иглы; в ночи засыпал великий Байкал. Волны мерно покачивались, переливаясь в темноте под светом большой луны. Роман всматривался в даль озера, погружаясь в мир видений. Иногда ему было уютно прятаться во мраке от реальности и ошибок.

Первый признак погружения – это боль между лопаток и вздрагивание подбородка, будто звучал приказ командира: «Равняйсь». Голова его дрожала, челюсть становилась ещё крепче, ещё острее. Роман «равнялся» не один раз и не два. Его подбородок, словно в него втыкали острые провода под напряжением, выдавал нервные рывки, заставляя выплёвывать слюни, – и так раз пять-десять пока не послышится хруст в шее, пока не появятся они.

– Тише, дорогой, – первой заговорила жена Ольга. – Мы уже рядом. Успокойся. Посмотри на нас.

Трясущейся рукой Непомнящий потянулся к бутылке. Он отвернул пробку, сделал глоток. Вода пахла тиной, словно минералка трёхдневной протухлости, которую подала ему пожилая женщина в Геленджике на пляже, со словами: «Пей сынок на здоровье. Это полезно».

На языке стало горько. Роман знал, что нужно проглотить воду, иначе пользы не будет, а видение сбежит и спрячется за валунами на берегу озера. Потом ищи своих родных в темноте – ни за что не найдёшь, только рысьи глаза в лесу встретишь.

– Ромочка, всё таблетками балуешься? – послышался голос тёщи.

Непомнящий поставил бутылку на стол.

Ну, ладно… все в сборе: сын, дочь, жена, тёща, которая вечно что-то спрашивала.

В беседке у самой крыши горела лампочка. Она была не яркой, но внутри беседки светло. Огонь в камине прибавлял тепла, а призраки отбрасывали длинные тени и казались живыми.

Жена сегодня пришла в синей юбке и чёрной кофточке. Сын в сером спортивном костюме: куртка у него с засученными рукавами и короткие резиновые сапоги на ногах. Дочь в кроссовках, джинсах и толстовке с капюшоном. Тёща, как всегда, сидела на стуле в халате и тапочках, будто ждала, когда ей включат телевизор.

– Вот мы и встретились, – пересчитал семью Роман. – Каждый вечер у нас собрание. Куда от вас только деться? Непросто мне с такой ношей.

– А папа всё мечтает… – закатила глазки дочь Анюта, поправляя русую прядь. – Ты бы завёл себе кошку, что ли… или сторожевую собаку. Пап, нельзя так мучить себя. Купи себе компьютер или планшет. В интернете, знаешь, сколько всего интересного?

Роман представил, как покупает собаку: почему-то сразу громадную, лохматую, с мордой в колючках. По вечерам он бегал бы с ней по берегу, кидал здоровенную палку и кричал: «Тузик, мать твою!.. апорт!» – а пёс вместо палки волочил бы к нему дохлую рыбу и весело вилял хвостом.

С барбосом было бы весело, но что делать, если снова вызовут на работу? Роман – вертолётчик со стажем. Уважаемый человек. Профессиональный пилот, а не кинолог.

– Дочь, я не могу взять собаку, – постучал по пробке на бутылочке Роман; его голова уже успокоилась, а голос невидимого командира стих, не заставляя равняться куда-то в сторону. – А вдруг мне завтра в полёт, Анюта? Я человек ответственный. Собаку оставить не с кем. Не брать же её в кабину? Животные в вертолёте запрещены. Так что, отставить покупать пса.

Сын Глеб почему-то усмехнулся. Он перевёл взгляд на луну и сказал, словно хотел обидеть отца.

– Папа, какой из тебя пилот? Тебя даже сторожем не взяли после того случая… Тебе летать запрещают. Ещё убьёшь кого-нибудь.

На лице сына появилась кровь. Глеб немного удивился, заметив капающие с подбородка капли, но затем вытер ладонью и нос, и губы, и щёки, – и сплюнул на землю красную слюну.

Челюсть Романа снова ожила и задёргалась, не боясь потерять фантомную связь.

– Не говори со мной так! Я не заслуживаю от тебя порицания. И вообще, я хороший пилот и добрый отец! Я делал, что должен! Тебе это ясно, Глеб?

Тёща слушала и вязала, перебирая невидимые нити. На её лице появились очки, мышиная старческая шаль упала на плечи, и вмиг поседели волосы. Из доброй пожилой женщины она быстро превратилась в старуху.

– Ты виноват и не виноват, Ромочка, – сказала тёща, просто оттого, что не хотела слушать, как ругаются сын и отец. – Прошлого не вернёшь и ничего уже не изменить… А собачку ты заведи. Пусть она дом охраняет, играет с тобой и есть из миски. Я люблю смотреть, как кто-то ест; и готовить я люблю, вернее, любила… А ещё твоя собака будет выть по ночам, а собачий вой лучше человеческого плача. Верно, я говорю, Анюта?

Дочь Романа была красивая, стройная девушка, с личиком ангельским. Она лишь качнула ровными бровками, то ли соглашаясь с бабушкой, то ли принимая безысходное прошлое.

– Я думаю – отец всё-таки виноват. Конечно, он меня не убивал, но его желания принесли много беды. Папа уже не ребёнок и должен был предвидеть. А как иначе? Он всё-таки хозяин семьи и отвечает за всех нас. Я так думаю…

Продолжая оттирать кровь, сын резко повернулся к отцу. На лице Глеба сверкнул оскал. Голова его была острижена, как у призывника, плечи широкие, шея короткая, уши сломанные, потому что парень занимался классической борьбой.

– Лучше бы ты оставил меня в покое. Может, из меня толк бы и вышел, если б не ты. Ведь многие были против… Давай спросим у мамы – хотела ли она брать меня в семью?

Жена Ольга была самым сдержанным призраком. Она и при жизни терпеливо переживала судьбу, данную ей вселенной. А в те дни, когда Роман настаивал усыновить маленького Глеба, Ольга покорно приняла его волю.

– Ты несправедлив к отцу, сынок. И не смей разговаривать с ним в таком тоне! Научись уважать старших, Глеб… Твой отец – добрый человек. Он всегда заботился о семье.

Ольга жевала губы, кусая их, словно тоже хотела залить кровью лицо. Но разве у привидений течёт что-то в жилах? Призрак всегда лёгкий, пустой.

– Меня не волнует наше общее прошлое, – с горечью произнесла Ольга. – Меня расстраивает мой муж в настоящем. Потому что Рома слишком быстро нашёл мне замену и скоро забудет о нашем существовании. Ты ведь ждёшь её – свою любовницу?

Роман Непомнящий пожал плечами, не желая докладывать призракам о любовных тайнах:

– Возможно, она приедет, возможно, нет – какая вам разница?

– Есть разница, – улыбнулась Ольга. – Ты ждёшь её, и мы подождём. Хочу посмотреть, как ты изменяешь мне с Ритой.

Роман скривил губы в улыбке. Мёртвая жена ревновала к живой любовнице. Ну, надо же, какая интрига!

– Не будет Риты сегодня. Завтра приедет… У Риты недельный отпуск намечается. Семь дней с ней вместе проведу, представляете? Семь дней она будет отвлекать меня от встреч с вами. Так что, не наговаривайте на неё. Вас уже не вернуть, а Рита мне больше чем друг.

Вся семья насторожилась.

Дочь тоже ревновала к новой женщине. Тёща Татьяна Николаевна вязала невидимыми спицами невидимую нить, причмокивала и хмурилась. Глеб играл желваками, будто это касалось его лично. А бывшая жена с сожалением сказала:

– Ничему тебя жизнь не учит, любимый… Пора бы тебе уже выучить, что у всякого человека есть привычки и гены: то есть его порода, передающаяся от кровного родства. Тебе ли не знать об этом. Но твоя традиция неизменна. Твоя неугомонная похоть сильнее уроков прошлого. Всё ты делаешь по-своему, назло другим…

– Да что ты такое говоришь? – изумлённо воскликнул Роман. – Откуда тебе знать, что происходит со мной и Ритой? Тебе не приходит в голову, что в моём сердце рождается чистая любовь? Тебе не кажется, что моя связь с Ритой не просто похоть – а моё будущее. Да, милая… я не желаю бронировать место на кладбище. Мне нравится жить без вас. Это ты понимаешь?

– Папа, ты не горячись. Скажи лучше, что ты знаешь о наследственности? – спросила дочь, и в её руке неожиданно появилась кроличья шапка-ушанка.

– Наследственность существует. Она – незримая, но неотъемлемая часть каждого из нас, – ответил Роман.

После такого ответа призраки были единогласны. Все они синхронно кивали, а Глеб широко улыбался.

– Так, семья!.. предлагаю голосовать! – оживилась Анюта. – Пусть каждый из нас выскажется прямо. Тот, кто против новой папиной женщины, которую все знают, под именем Рита – поставит крестик, а кружок будет означать согласие с похотью отца… Ой, извини папочка – с желанием отца!

– Хорошая идея. Умничка-внучка! – обрадовалась тёща.

– Глеб, где твоя школьная тетрадь? Организуй нам быстро листочки, – попросила Ольга.

– А у меня уже всё готово, – раздавал аккуратно нарезанные маленькие бюллетени Глеб.

У каждого из призраков в руке оказалась шариковая ручка.

Все быстро поставили свои знаки, отправляя бумажки в шапку, с которой к каждому подходила Анюта.

Затем дочь протянула ушанку отцу.

Роман вытащил первый листок, за ним второй, третий, четвёртый. На всех листочках нарисован жирный крест. Значит, все против его новой женщины. Значит, они против его желаний.

– Сговорились, да? – понял Роман. – Приходите ко мне каждый вечер. Я встречаю вас, время своё трачу, а вы учить меня вздумали и жизнь мою отравить хотите?

Он силой бросил шапку, попал точно в руки дочери.

Анюта ловко поймала ушанку, и та тут же исчезла.

– Ты должен быть осторожным, папа, – прищурилась дочь. – Не хотела говорить, но я подозреваю, что Рита может оказаться опасна для тебя.

Отцу не нравилось, что говорит Анюта. К тому же голосование вызывало жуткую тревогу: а вдруг они правы, и его новая пассия представляет угрозу?

Роман прикрыл глаза лишь на секунду, а когда открыл, то семья исчезла.

Он снова потянулся к бутылке с водой, как вдруг услышал знакомый голос.

– Надоели они. Еле дождался, пока твоя семейка свалит отсюда, – негромко сказал мужской голос. – Я тоже хочу дать тебе совет. Хочу поучить тебя немного. Ты не против?

Семья испарилась. Зато материализовался друг детства, Андрей Смирнов. В вытянутой руке у него тоже был листочек, с красным крестиком точно посередине.

***

В первом классе у Романа появился друг. Звали его Смирнов Андрей.

Играли они в русский хоккей, ходили в обычную школу, вместе возвращались с уроков. Андрей был мальчиком весьма странным: жила в нём страшная физическая сила, выделяя на фоне прочих сверстников. Друзей, кроме Ромки Непомнящего у него не было… В хоккей Андрюша играл вратарём; играл жестоко. К домашним животным относился брезгливо и однажды признался, что обладает особенным чувством, когда хочется рвать на части обидчика, хомяка или собачку. Ему хотелось врезать нападающему соперников клюшкой по зубам или того хуже – железным коньком наступить на горло, чтобы по воротам его не бил.

В те годы Роман был ещё слишком юн, чтобы заметить в друге душевную болезнь. Он доверял Андрею; воспринимал его слова как шутку.

Детская дружба продолжалась вплоть до окончания школы. Потом Роман уехал в Омск учиться на пилота. Там женился на омичке, по имени Ольга. Брак подарил прекрасную дочку Анюту. Затем молодая семья вернулась в Иркутск, где лейтенант Непомнящий был принят пилотом в лётный отряд гражданской авиации.

Судьба на время развела друзей… В институт Андрей не поступил. У него даже документы не приняли, зато забрали в армии. После службы он сразу женился и устроился в полицию. Через год жена родила ребёнка. Назвали малыша Глеб.

Но отчего-то Андрей не радовался первенцу. Он часто и много пил… и надолго в органах не задержался. Сержант Смирнов нарушал дисциплину, проявлял халатность и был уволен по собственному желанию – после чего возненавидел весь мир и самого себя в этом мире.

И вот однажды вечером Андрей вернулся в свою квартиру, где проживал с женой и маленьким сыном. Там он обнаружил хмельное застолье – совсем безобидное. В домашних посиделках участвовала его жена, её подруга, в окружении жениха подруги, которого все знали с детства. Но Андрей отчего-то взбесился.

Схватив столовый нож, Андрей убивал одного за другим. Сначала ударил в сердце парня, который не ожидал бешеной реакции, затем убил его невесту. Всего два удара в живот и она свернулась клубком, словно хотела просто уснуть, чтобы проснуться и понять, что это не бойня, а чудовищный сон. Бывают такие сны, когда нападают злые люди или медведь, или монстры – и убивают, но когда просыпаешься, то обнаруживаешь себя целым и невредимым…

Жена молила сжалиться. Хотела жить и была готова выпрыгнуть в окно с пятого этажа, пока Андрей расправлялся с подругой и её парнем. Но сбежать от ошалевшего маньяка удаётся немногим. А Смирнов Андрей оказался самым настоящим зверем…

В течение года в Иркутске находили убитых молодых женщин. Все девушки погибали от множественных ударов ножом; все пятеро перед смертью были изнасилованы.

Сыщики не сомневались, что почерк убийств был одинаков. Совершал нападение один и тот же человек. Полиция разыскивала серийного убийцу, прозванного Ангарским маньяком, но попался Андрей, в общем-то, случайно.

На первом же допросе Смирнов признался и в других преступлениях. Он оказался тем самым маньяком, насиловавшим перед смертью своих жертв. Оказался тем недочеловеком, который убивал девушек.

До суда Андрей не дожил. Его нашли в камере висящим на трубе отопления у потолка. Горожане шептались, что полицейские сами расправились с убийцей (и правильно сделали) – немногие верили в раскаяние преступника, выбравшего смертельный грех, а не открытый процесс, чтобы держать ответ перед всем городом.

Маленький Глеб, сын Андрея Смирнова – был помещён в дом малютки. От него отказались все родственники со стороны матери и по линии отца. Почему бабушки и тётки поступили так? Вероятно, боялись замараться и утонуть в грязных воспоминаниях о маньяке-родственнике, глядя на его дитя.

Узнав о трагедии школьного друга, Роман твёрдо решил забрать к себе его несчастного сына, которому в то время ещё не исполнилось и двух лет. Непомнящий считал своим долгом спасти мальчика. Он не думал о генах, передающихся по наследству, не слушал жену Ольгу, которая лишь однажды и очень робко – высказалась против усыновления.

Ему говорила мать. Предупреждала тёща. Был сигнал от психолога из лётного отряда. Но Роман никого не слушал; он решил забрать малыша к себе, значит, так тому и быть.

Глеб был замкнут, молчалив и не по-детски спокоен. Глаза у него были задумчивые, внимательные, выжидающие, словно знал он страшную историю своего настоящего отца. Но правда о прошлом была надёжно скрыта от мальчика. Семья Романа даже переехала в другой район, чтобы Глеб случайно не узнал о себе нечто мерзкое, потому что всегда найдётся человек

с длинным языком, который будто хлёсткой плетью из шкуры змеи, своими словами испортит соседу жизнь – так ради шутки.

Мальчик рос в полной уверенности, что Ольга и Роман его кровные родители. А как иначе? Глеба любили, баловали. Всевозможные игрушки, дорогая одежда, пожелания спокойной ночи и сладкий пирог – были привычными в его детстве. Новая мама оберегала мальчика как родного сына. Роман не отставал, но всё-таки чувствовал чужое семя в доме.

Глеб был жесток, скрытен, малообщителен. В детсаду он частенько поколачивал малышей. От него плакала вся группа. Бил он и мальчиков, и девочек.

Однажды на Глеба пожаловалась воспитательница. Женщина сорока двух лет была шокирована увиденным в раздевалке и боялась, что ей попросту не поверят, если она расскажет родителям о диких наклонностях ребёнка.

Во время тихого часа пятилетний Глеб незаметно покинул спальню, проскочив в раздевалку, где хранилась верхняя одежда детей, чтобы провести страшный эксперимент над собственным здоровьем. Глеб засовывал тоненькие пальцы в щель и дверью кабинки давил на собственные ногти.

Он не плакал, не кричал, терпел, не издав ни звука, хотя лишился трёх ногтей, сорвав их полностью. Пальцы кровоточили. Маленькие ноготки, вырванные с кусочками мяса, валялись на полу, а малыш упрямо давил следующий палец, потом следующий. Если бы дверь была ещё массивнее и сил в юном теле больше, то, вероятно, Глеб лишился бы нескольких фаланг вместе с ногтями. Никто не знает, чего добивался мальчик, но когда его обнаружила воспитательница, то потеряла сознание…

Были и другие пугающие странности. Например, после окончания первого класса Роман отправил Глеба в летний лагерь.

За пределами лагеря протекала тихая речка. Была речка не глубока, не широка. Её можно назвать, скорее, лесным ручьём. В ней водилась мелкая рыбка, у берега летали стрекозы, квакали лягушки, по поверхности носились водомерки. Глеб не ловил рыбу, не пускал кораблики, он лишь собирал головастиков, складывая их в нагрудный карман рубашки. А к вечеру детёныши превращались в засушенных земноводных, размером с кузнечика. Вытаскивая из кармана затвердевшее блюдо – а именно как пищу использовал головастиков Глеб, – он без соли и хлеба поедал их вместе ножками, ручками и всем остальным. Каждое утро садист-натуралист убегал из лагеря к реке, пока его не поймал один из вожатых, заметив, как ребёнок хрустит сухими головастиками, будто сухариками.

Сразу позвонили Роману. Рассказали об утренних и вечерних причудах сынишки; но, честно признаться, новость не стала скандальной и ужасающей. Потому что дети вытворяли с лягушками и не такое. Ну, поймали… ну, засушили или надули, что в том плохого?

***

Год назад. Середина мая. Трёхкомнатная квартира в Иркутске.

Семья Непомнящих была показательной. Муж – лётчик; человек непьющий, представительный. Жена – красивая женщина, в прекрасной форме, отличная хозяйка, бухгалтер в известной компании. Сын – сильный парень, спортсмен. Дочка – красотка-студентка; поклонников у дочери предостаточно, но Анюта была неприступна; ничего плохого о ней сказать нельзя.

Соседи уважали Романа. Побаивались Глеба. Роман был приветлив, здоровался с бабушками у подъезда, руку дворнику пожимал, а сын всегда смотрел исподлобья недобрым взглядом и лишь кивал соседям при встрече. Мальчишка был похож на молодого медведя и телосложением, и лицом – потому что волнения в нём нет. Непонятно, что на уме. Хотя никого во дворе пальцем не тронул, – и коты в подъезде не пропадали.

В то утро Роман проснулся рано. Жене Ольге сообщил, что сегодня у него будет тяжёлый день. Но на работу он так и не поехал, а отправился к любовнице.

Пожелав хорошего дня, Роман вышел из квартиры, в последний раз увидев своих родных живыми. Прошло полчаса, и он уже обнимался с миловидной девушкой, которая была младше его на тринадцать лет. Её звали Рита.

И всё было бы замечательно в то утро: он проводил время с любовницей, жена ничего не подозревая, сводила дебет с кредитом, дочь убежала в институт, сын, как обычно, пошёл в школу, а тёща осталась дома; Татьяна Николаевна жарила сырники, пекла пироги с грибами, варила борщ. Жизнь продолжалась. И утро было как утро, только в семье не заметили главного: как сын Глеб тоже обманул мать, сказав, что отправился в школу.

Последний год семья его раздражала. Глеб к лету хотел мотоцикл – отец наотрез отказал. Мать следила за ним, будто он сам не знал, что водку пить вредно, а курить, только травиться. Мать не доверяла Глебу, а ещё Анюта бесила. Она просто ведьма! Бывало, ходила перед ним в нижнем белье, наклонялась, как шлюха… и ноги задирала на диване, будто он не мужик, а деревянный Буратино, – и трогала грудь, аж кровь в жилах закипала!

К Анюте были двоякие чувства. Запираясь в ванной, Глеб трогал себя ниже живота, представляя именно её. В мечтах он подкрадывался к ней сзади, а сестра испуганно оборачивалась, но видя лицо брата, гладила его по щеке; а он дёргал в воде рукой, пока не выгнется тело, и семя не выскочит на свободу.

Неделю назад Глеб получил на электронную почту поразительное письмо – подписанное «От сестры». Но он сразу сообразил, что Анюта к сообщению вовсе не причастна. В письме было много удивительных смыслов и слов: о том, что его настоящая фамилия Смирнов, о том, как погиб его родной отец, за несколько дней до смерти, убив свою жену и мать полуторагодовалого мальчика, которого звали Глеб.

Он не поверил. Письмо казалось бредом. Но подсказки в тексте и вездесущий интернет, помогли докопаться до истины.

Тот, кто отправил послание, отлично знал о случившемся в прошлом. Этот кто-то попал точно в цель, зародив в юноше необузданную бурю эмоций, пробудив в нём сына маниакального отца.

Тринадцатого мая в 9:05 он вернулся в квартиру на шестом этаже, застав бабушку на кухне за готовкой пирога. Глеб подошёл к ней тихо сзади и хладнокровно воткнул нож в печень.

Татьяна Николаевна умерла мгновенно. Кровь, брызнувшую из раны, Глеб вытирал с пола салфетками. Тело он завернул в обмоточную плёнку, в которую обычно упаковывают чемоданы или детали сборной мебели. Юноша обмотал пожилую женщину, как паук муху – с одним лишь отличием, что паук упаковывает ещё живую жертву, а Татьяна Николаевна была уже мертва.

Далее кокон с бабушкой он перетащил в кладовую, решив соорудить там склеп для тех, кто воспитал его, кто вырастил. Оставив труп в темноте, прошёл на кухню, налил кофе с молоком, перекусил сырниками, макая их в варенье, приготовленное добрыми руками старушки и, включив телевизор, ожидал, когда вернётся его сестра.

Анюта вышла из дому раньше брата, но Глеб всё предусмотрел, незаметно вытащив из её сумочки телефон. Сестра непременно вернётся за телефоном и совсем скоро, поскольку, как можно существовать юной девушке без любовных сообщений, даже на паре в институте. Ведь все парни влюблены в старшую сестру по уши, потому что она очень красивая, желанная, сексуальная, но только не для Глеба. Для Глеба Анютка грязная шлюха – и непонятна, как китайский иероглиф.

– Ты вернулась? – поинтересовался Глеб.

– Телефон дома оставила, – раздевалась Анюта; она скинула обувь, прошла на кухню. – Ты почему не в школе? И где бабуля?

Анюта тоже схватила сырник, окуная его в варенье. Она быстро жевала, смотрела в окно, вспоминая, куда могла сунуть свой телефон.

– Телефон у меня, сестричка. А бабушка в кладовке лежит. Потому что я убил старуху, – с улыбкой сказал Глеб и, подойдя со спины, буднично перерезал девушке горло, словно проделывал такую работу в тысячный раз.

Кровь хлестала на грудь. Анюта широко открывала рот и негромко хрипела, но совсем не могла говорить. Она только хлопала глазами и зачем-то натягивала на голову капюшон, будто хотела спрятаться под ним, словно он может спасти.

Глеб хорошо знал, на что способна Анюта. Если она поймёт, что грозит ей смертельная опасность, то будет упорно сопротивляться, а ему тратить силы никак нельзя. Силы ещё пригодятся, чтобы справиться с отцом. Потому действовать нужно было решительно, не оставив девчонке шанса. Он посмотрел в её испуганные глаза и нанёс ещё пять ударов в живот, добивая сестру.

Всё было кончено. Анюта лежала на спине в луже крови.

Бросая на пол салфетки, Глеб почувствовал возбуждение. Хотелось скинуть штаны – и с неё, и с себя… Но он придерживался плана.

«Потом я её… потом!» – судорожно думал Глеб.

Второй труп он тоже обмотал плёнкой. Получалось уже ловчее, словно всю жизнь упаковывал мертвецов, чтобы складывать их в склепе… Один оборот, второй и вот уже не видно глаз и не болтается челюсть. Ещё поворот, ещё пару мотков, и кровь уже не сочится на пол. Кровь собирается под плёнкой и быстро сохнет. Это так удобно.

Глеб остановился у кладовки и облизал нож.

Кровь сестры показалась безвкусной, а вот у его отца, у Смирнова Андрея – кровь была совсем другой, – и это не миф, это непреложный факт! «У моего настоящего папы кровь как кипящая рыжая ртуть. Ей можно отравиться, если попробовать на язык. У неё особый вкус, и по-другому не может быть! – затаскивая остывающее тело в кладовку, размышлял Глеб. – Потому что мой отец был сильный, как дикий лев. И я тоже под стать отцу…»

Он уложил кокон рядом с бабушкой. Свет в кладовке не выключал. Смотрел на лица под плёнкой спокойно. В этот раз задержался дольше – проверил, не капает ли красным на пол. А вдруг?!

Затем он мыл пол на кухне и в коридоре. Мыл тщательно. Потом вскипятил воду, сделав чашечку кофе, ожидая прихода матери, которую в мыслях уже не называл мамой, а звал просто – Ольга.

Мать отворила дверь своим ключом. Она всегда приходила после двенадцати на обед, потому что работала рядом с домом.

– Глебушка, а ты чего не в школе? – удивилась мама, увидев сына.

Женщина немного запыхалась, но была приветлива. Улыбалась.

Она поднялась на шестой этаж пешком. Лифт работал исправно, но Ольга всегда тренировала ноги, держа их в тонусе. Хотела остаться красивой навсегда. Шла она вверх и трогала ягодицы, думая о муже – о том, какой он у неё верный. Роман лучший из мужчин и любит её.

Глеб ходил за Ольгой, прятал нож за спиной, выжидая момент. Напасть хотел именно на кухне. Там был постелен линолеум. Пол проще отмыть. В коридоре и в других комнатах ламинат – выковыривать корку из щелей совсем не хотелось.

– Борща налить? – спросил Глеб, чуть не прибавив «Ольга».

– Подожди, сынок, – смотрела в телефон мать. – Сейчас отец должен приехать. Звонил недавно, сказал, что рейс отменили. Он домой торопится. Ты разогрей борщ минут через пять.

И тут Глеб испугался – засуетился. Приедет отец? Прямо сейчас? Но сейчас Глеб должен убить мать, вернее, Ольгу. И плёнки припасено много, ей хватит. А потом ещё один кокон в

кладовке и нужно ждать самую опасную жертву. Отец должен вернуться после семи вечера – не раньше. Но вдруг всё пошло кувырком. Как же не вовремя!

– Что ты прячешь за спиной, сын? Ты странно себя ведёшь, – нахмурилась Ольга и требовательно потрясла вытянутой вперёд ладошкой, призывая отдать то, что парень скрывал от неё. Она всегда так делала, подозревая в нём скрытого психопата, зная правду о его настоящем отце.

Глеб всегда чувствовал недоверие к себе. А ещё он знал, что в этом доме его боятся.

– Пожалуйста, пройди на кухню. Я приготовил для тебя сюрприз, – исподлобья улыбался сын.

Ольга задрожала. Вот таким она его и представляла: ухмылка, холодный взгляд и булыжник за спиной.

– Что у тебя в руке? Камень? – спросила мать

– Нет, Оля, у меня там нож! – оскалился по-звериному Глеб, выбросил руку и вонзил длинное лезвие в грудь третьего размера.

Ольга негромко вскрикнула: от неожиданности, не от боли, а Глеб нанёс ещё три удара точно в сердце.

Она качнулась. Голова её завалилась назад, словно сломана шея… руки обвисли, на пол выпал телефон, но не разбился. Губы её шевелились, что-то шептали. Но смерть была сильнее. И женщина рухнула на спину замертво.

Глеб ни о чём не жалел, убивая своих родных. Даже не задумывался, что совершает непростительную ошибку. Просто волочил труп на кухню, где плотный линолеум.

Ольгу он обмотал быстро. Поднаторел. Кокон взвалил на плечо, перетащил в кладовку, бросил к другим коконам.

Он не расслаблялся, не улыбался, не испытывал удовлетворения. Глеб оставался серьёзен, потому что торопился встретить Романа.

Вытирая пол в коридоре, чуть замарал стену. Ну, ничего… отмоет позже, когда всё закончит. А пока наследный маньяк направился к сейфу, где хранилось охотничье ружьё.

Глеб подготовился. В интернете подсмотрел, как сделать слепок ключа. Потом взял на минуту отцовскую связку, сделал слепок и всего за час в специальной мастерской ему выточили дубликат. Дел-то оказалось, раз плюнуть: всего триста рублей за ключик.

Сейф подался легко. Ключ подошёл идеально. Тогда Глеб достал ружьё в чехле и собрал его за минуту. Потом зарядил два ствола и услышал, как открывается входная дверь. Он всё-таки успел…

– Дорогая, ты уже дома? – позвал Роман жену.

Непомнящий надеялся, что Ольга ему ответит: «Заходи, любимый, мы ждём тебя» – но в ответ лишь крались шаги из дальней комнаты. Кто-то таился в конце длинного коридора.

Роман позвал ещё раз: «Олечка… ты где?» – а сам, скинув обувь, сделал всего пару шагов и увидел сына с ружьём наперевес. Он хотел спросить, мол, зачем ты ружьишко собрал?.. но не успел.

Раздался выстрел. Глеб метил отцу в лицо, но попал в левое плечо и грудь, оттого что Роман изловчился и частью туловища нырнуть в дверной проём большой комнаты. Падая, сунул правую руку в карман и завалился набок. В кармане лежал нож – подарок от любовницы Риты, – нож с фронтальным выбросом лезвия. Нож крупный; с таким оружием и на волка ходить не страшно.

Глеб приблизился к отцу. Наклонился, чтобы перевернуть его на спину и выстрелить в лицо, но Роман, собрав все силы, кинул руку навстречу сыну, воткнув лезвие в солнечное сплетение.

***

Ночь прошла в раздумьях. Роман сидел в одиночестве, смотрел на озеро… Уснул под утро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.